

Валентин Колесов

ЖИЗНЬ РУССКОГО

Валентин Колесов

Жизнь русского

«Издательские решения»

Колесов В.

Жизнь русского / В. Колесов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748126-1

Русский снаряжал атомные бомбы: высокая зарплата, жилье, романтика Великой державы. Затем вместе с великим Бабакиным делал крылатые ракеты Челомея и стрелял ими с подводной лодки... Далее — создание компьютерных систем управления предприятиями. Любовь с первого взгляда, сын, дочь. Радости и печали, драмы и трагедии. После 1985 г. занимался приватизацией, банкротствами, финансами. Был свидетелем разрушения Великой России.

ISBN 978-5-44-748126-1

© Колесов В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Раздел 1. У нас была Великая Эпоха!	9
Глава 1. «Я рожден в Советском Союзе, сделан я в СССР...»	9
Глава 2. Мечта	15
Глава 3. Атомная бомба – это же очень просто	17
Глава 4. В войну за такие вещи ставили к стенке	21
Глава 5. Идейная жизнь дала трещину	25
Глава 6. Основной инстинкт	26
Глава 7. Любовь с первого взгляда	30
Глава 8. Суд – сын против матери. Позор!	39
Глава 9. Крылатые ракеты «Аметист» – грандиозный проект	42
Глава 10. Семейное	53
Глава 11. Отдельные недостатки соцстроя	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Жизнь русского Валентин Колесов

© Валентин Колесов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В 2003 году герой этой книги подвел итоги прожитого.

«Я прожил жизнь рядового человека (обывателя) при социалистическом строе (соц-строе).

При соцстрое я сожалел – поздно родился, не застал романтики революции. После соц-строга сожалею, что рано родился – нет сил для охоты в джунглях. Так получилось: я «посетил сей мир в его минуты роковые». Посещение заканчивается, можно оглянуться...

Конечно, обилие пишущих смущает Знаменитости и их летописцы преподносят жуткие откровения: предательства, подлости, падения и взлеты. Народу интересно (и мне тоже). Но едва ли полезно – как опыт жизни. Артисты, писатели, политики живут и зарабатывают по-своему, не так как все. Они – малая и особая часть.

Жизнь народных людей не документируется и со временем покрывается тайной. Теперь уже непонятно, как, например, жили русские люди сто лет назад. Россия, которую мы потеряли, это хорошо или плохо?

К художественной литературе нет доверия: авторы обобщают и преломляют. Получается разнбой: одни обличали богатых (эксплуататоров) и хвалили революционеров, другие клеймили тех же революционеров как бесов, хотя эксплуататоров тоже не жаловали. Запутаться можно.

Хочу говорить правду и только правду («желание-то у меня есть») Вдохновляющий пример – «Исповедь» Руссо с откровениями об интимных отклонениях. Великий человек, автор «Общественного договора», буревестник Французской революции – а не пожалел себя для пользы человечества.

По поводу последнего – пользы для человечества – имеются большие сомнения. Даже скорее уверенность – не было и не будет пользы от сочинений, призывов, нравоучений. Как-то я зримо представил себе упования на будущее лучших людей прошлого: скорбели они о страданиях народа в голоде, холоде, нищете и пытались изменить мир словами о добре и единении. Каковы бы были чувства, например, несокрушимого Толстого, если бы он знал, что после него еще будут две мировые войны, Освенцим, Гулаг, Хиросима, Вьетнам, Сербия...

В прошлом было немало родственных душ, которые сформировали понятия, по которым я живу. Это прежде всего Герцен, скептицизм и юмор которого мне глубоко симпатичны. Толстой – это другое: учитель смысла жизни, неистовый правдоискатель. Белинский – воспитатель и учитель литературы. И другие.

Мую биографию можно считать вполне типичной для гражданина России эпохи соц-строга. Конечно, самой типичной должна считаться судьба простого рабочего. Но, во-первых, меня с ним объединяет общий статус наемного работника, а во-вторых, моя жизнь более разнообразна, более представительна для понимания общей картины жизни.

В своей жизни я руководствовался сложившимися за многие годы представлениями, понятиями, принципами, выраженными в конечном счете в виде трех основных. Прочитав много ученых книг, выслушав много мнений, я тем не менее так и не получил готового ответа – ключа к пониманию смысла жизни. Поэтому я изготовил свою собственную отмычку – простую и надежную.

Это – понятия о мире, его развитии и его познания.

Мир для меня естественен (материален), бесконечен и вечен. Он развивается по объективным законам, независящим от какого-либо всемирного духа.

В стабильных участках мира может возникнуть разум – свойство предвидеть развитие.

Для получения разумом информации о мире нужно затратить энергию – инфо-энергию. Для предвидения каких-либо событий может не хватить всей энергии мира. Такие события суть случайности. В мире есть неопределенность.

Нарочито примитивное изложение этих понятий, напрашивающееся на снисходительную улыбку ученого специалиста, отражает кратко и сжато то, во что я верю. Эта отмычка действительно простая, если говорить о том, во что я не верю.

Первое: я атеист, с Богом меня как-то не познакомили: в школе и по радио говорили, что Бога нет. А дедушка по папе вообще в Бога не верил. Верую же я в бесконечность пространства и времени, потому что не понимаю их, просто принимаю на веру.

Я не верю в бессмертие: меня не было до моего рождения, не будет и после смерти.

Второе: не верю в целенаправленное развитие от простого к сложному, направляемое некоей созидающей силой. И поэтому останавливаюсь только на самом простом и понятном – на инерции в мире хаоса.

Третье: разум предвидения ограничен потребными затратами энергии. Надо стараться строить свое будущее, но надо и мириться с непредвиденными обстоятельствами – случайностями. Не верю в безграничные возможности разума. Разум познания ограничен информационными средствами, неспособными отобразить многообразие мира. «Мысль изреченная есть ложь» – постоянно напоминаю я себе.

Эта идейная отмычка не спасла меня от крупных ошибок. Самая страшная из них: отречение от того строя, в котором я вырос.

Может быть, индивидуальные особенности характера и воспитания сыграли свою роль. О них можно сказать следующее.

Особенность характера, явно унаследованная от рождения (генетическая) – это повышенное (обостренное) самолюбие, чувство собственного достоинства, раздраженная реакция на любые попытки унижения, пренебрегающая всеми последствиями и даже опасностями. Эта черта вполне объяснима исповедуемым мною понятием – законом развития через инерцию: я стремлюсь остаться тем, что я есть, быть не хуже других и поэтому не могу позволить унижить себя.

Оборотная сторона этого – крайняя обидчивость. Задумался о своих генах – очень уж я нервный, вспыльчивый, обидчивый. Такие гены у двоих в роду: у матери и у бабушки по отцу. Вроде бы генетика допускает передачу генов прямо от бабушки, минуя отца.

Сын матери и внук бабушки рано стал нервничать: не часто, но глупо.

Из-за истерического срыва я лишился родины. Возвращался домой из гостей на электричке из Ораниенбаума. В первый послевоенный год для поездок требовались пропуска. Показал свидетельство о рождении. Милиционер взял свидетельство и повел меня в отделение. Получилась интересная картина: по перрону Балтийского вокзала милиционер тащит за руку 13-летнего мальчика, упирающегося и ревущего во весь голос. Народ смотрит и идет мимо. Какая-то сердобольная пара отобрала меня у милиционера. Поехали на трамвае, у меня нервная дрожь, мужчина и женщина успокаивают. Потом мать ездила в эту милицию, но документ пропал безвозвратно.

По тому свидетельству я родился в Ленинграде. Было еще одно свидетельство о рождении: мать регистрировала еще раз, в деревне с утешительным названием Большой Конец.

Так я перестал быть коренным ленинградцем, уроженцем великого города. Суровое наказание, но нервная система какой была, такой и осталась.

Очевидно, само сочетание этих особенностей характера дает то, что называется уже гораздо хуже: упрямство, вздорность, истеричность. Нервных срывов было не так уж много, но за каждый из них мне было больно и стыдно. Со временем я научился сдерживаться внешне, но внутреннее возбуждение оставалось неизменным: что-то пронзительно холодеет в голове, нервный столб проходит грудь и живот, отбрасываются все иные соображения – опасности,

утери положения – все кроме того, что я всем пренебрегу, но не допущу своего унижения. В результате внутренние переживания усиливаются, в течение нескольких дней, а иногда недель я мысленно переживаю то, что произошло, сочиняю ответы, доводы и действия, которые надо было совершить. Бывали периоды многомесячной завершенности (зацикленности).

С годами нервность на работе пришлось ограничивать: так ведь можно и без зарплаты остаться. А вне работы осталась...

Не только гены строили мою нервную систему, в 9 лет на нее обрушился ужас смерти. Разум созрел: научился строить логические цепочки, предвидеть будущее. И понял: все люди рано или поздно умирают. Значит, и я тоже. Пусть даже проживу очень долго, но все равно умру. Почувствовал себя в западне: заманили в нее и всё – назад ходу нет. Запустили в жизнь, не спрашивая согласия. Однажды в полусне полетел в черную бездну, в звездную пропасть – с тех пор ужас неизбежной смерти не отпускал меня.

Хотя меня крестили, но к вере в загробную жизнь меня не приучали. Мог бы и сам научиться ради успокоения. Однако моя душа и разум по своей конструкции не принимают чуда. Ученые говорят, что полушария мозга разные: одно интеллектуальное, другое эмоциональное. Если второе помощнее, то легче поверить в чудеса и в Бога...

В те свои девять лет успокоил себя по детски просто и ясно: пока вырасту, наука придумает лекарство от смерти, и люди будут жить вечно.

Я, советский русский, прожил благополучно большую часть своей жизни: до 1985 года, до начала разрушения Великой России (Советского Союза). Моя идейная отмычка признает такое явление как случайность. Такой случайностью стал приход к власти Горбачева».

На основе текстов дневников, статей, письменных и устных воспоминаний этого человека написана история его жизни. Автор полагает, что жизнь такого героя своего времени любопытна и поучительна. Со всеми его достоинствами и недостатками.

Раздел 1. У нас была Великая Эпоха!

Глава 1. «Я рожден в Советском Союзе, сделан я в СССР...»

Воспитание. Человека воспитывают семья, школа, товарищи, общество, государство.

Ему повезло с происхождением – его материнская родословная восходит к известным именам графа Разумовского и барона Сиверса – первый продал второму его крестьянских предков.

Счастливое раннее детство – до школы. Ясли, детсад. Дружные дети, заботливые тети, пригорелые молочные каши. Летом в дедовой деревне стоял с кружкой около коровы и пил парное молоко. Был здоровенький и плотненький. Сладкая жизнь. Черная тарелка репродуктора убаюкивает:

Даст тебе силу, дорогу укажет
Сталин своею рукой,
Спи, мой воробушек,
Спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

Счастливое время, любимые мама и папа. Солнце, море (Финский залив), патефон: «Брызги шампанского» под гавайскую гитару. «Надо мною небо синий шелк, никогда не было так хорошо!».

Отец погиб на фронте, мать осталась с восьмилетним сыном. По меркам педагогики единственный ребенок у матери с памятью о достойном отце воспитывается хорошо. Учился на отлично, был тих и послушен.

Мать воспитывала личным примером: заботой о близких. Вместе с сестрами взяла на воспитание осиротевшего племянника. Ухаживала за парализованной сестрой. Помогала с жильем сестрам и племяннику, сыну – получить квартиру.

Следующий воспитатель – школа, одноклассники. О школе легче сказать, чего в ней не было. Не было совсем уж плохих учителей. Нормальные люди – учителя не увлекались воспитанием нового человека соцстроем. Не было горящих взоров и пламенных речей. Не было в школе злобы и жестокости (агрессивности). В мужской школе (раздельное обучение) не было пьянства и алкоголизма, кровавых драк и поножовщины, не было даже представления о наркомании.

Детский труд всегда осуждался как позорное явление. А он начал работать с семи лет. Вместе с другими детьми его посадили в комнату – класс, заставили высиживать там неподвижно четыре часа (затем пять-шесть часов) и заниматься однообразным и потому изнурительным трудом – выслушивать рассказы учителей и ответы учеников. Работа продолжалась после школы – по домашним заданиям. Последствия известны – нервы, искривление позвоночника, вялость и т. п. (Байка: мальчишка прибегает домой после первого урока, кричит: «Что ж вы не сказали мне, что эта бодяга на десять лет!»)

Валя был пай-мальчиком. Он хотел получать отличные отметки. Именно так: получать не знания, а пятерки. Знаний в него впихивают очень много, нужно ли столько? А пятерки позволяли считать себя не хуже других. Круглый отличник ежегодно получал похвальные грамоты. Помогали и хорошие способности, доставшиеся от родителей.

В пятом классе был забавный эксперимент на уроках арифметики. Решение арифметических задач без применения алгебры требует хорошей логической смекалки. Через несколько секунд после прочтения учительницей условий задачи мальчик Валя давал ответ. Сначала учительница восторгалась, а затем уже привычно понукала его. На самом деле никаких чудес сверх-таланта не было – пока читался текст, он уже соотносил задачу с предыдущими аналогами, делал подготовительные расчеты и за несколько секунд выполнял окончательное действие. Успех льстил его самолюбию. Однако держать себя в постоянном напряжении было тяжело, постепенно он стал задерживать ответ и сравнивался со всеми.

Во дворе не было плохой компании. Одноклассники встречались на дому – шахматы, на улице – разговоры, на спортивной площадке – волейбол, в соседней женской школе – художественная самодеятельность («Как закалялась сталь») и танцы, во Дворце пионеров (Аничков дворец) – игры и кружки.

Насколько сильным было влияние товарищей? Если просто перечислить, кем они стали, то напрашивается – да, сильно.

Близкие товарищи:

академик (действительный член РАН), директор биологического института им. Сеченова, ученый с мировым именем,

режиссер театра, артист,

научный сотрудник военной академии,

кандидат географических наук, ученый секретарь института озераведения РАН,

Далее:

доктор биологических наук (сын известной писательницы Пановой, ее соавтор по биографии Магомета),

кандидат экономических наук, руководитель отдела науки горкома партии,

кандидат педагогических наук, начальник отдела в НИИ,

кандидат геологических наук.

Почти все остальные получили высшее образование.

Наш герой здесь по табели о рангах – ниже середины: кандидат технических наук.

Такое обилие передовиков – случайность, не повторившаяся в других классах.

Так что можно сказать насчет влияния? Можно признать, что был некий интеллектуальный настрой, не выражаемый напрямую в беседах и спорах, разговоры были будничными, на сиюминутные темы. С близкими товарищами иногда обсуждались острые вопросы – с «академиком» о культе личности Сталина (при жизни вождя), о евреях. С географом – о книгах, кино, артистах. С педагогом – о репрессиях.

Школа закончена. Надо идти в вуз. Мама неоднократно говорила:

– Ты куда собираешься идти после школы? Я ведь не смогу держать тебя пять лет. Иди в военно-морское училище. Военные живут хорошо, лучше всех. Вон посмотри на друга тети Нины, на других офицеров: всё у них есть, полностью обеспечены.

Он призадумался. Учиться и подрабатывать? Не был готов – по незнанию жизни и мало-душию. Подумал: если уж вуз – средство получить профессию, ремесло, то таким вузом может стать и военный.

В военной академии висел список тех, кому документы возвращены еще до экзаменов, – длинный список еврейских фамилий. Его это потрясло. То же самое и в гражданских вузах. Семь евреев его класса поступали с трудом, поменяли несколько вузов в поисках того, куда их принимали. Официально в стране действовал полный интернационализм. Никого нельзя открыто оскорбить по национальному признаку. Еврейские анекдоты ходили только между русскими. Возникал естественный вопрос: если нарушена одна нравственная норма, то как можно быть уверенным в соблюдении прочих?

Директор школы, которому он рассказал о еврейском списке, удовлетворенно кивнул: «Вот видишь – русская академия для русских».

При подаче документов, он, пожалуй, впервые проявил нагловатую практичность: в анкете на вопрос: «были ли осуждены родители» ответил нет. Органы безопасности оказались не на высоте: поскольку отец погиб на войне, не стали копать прошлое – сидел, не сидел, пропустили анкету без претензий. (До войны отец, снабженец автобазы, отсидел полтора года за продажу левого железа).

Колесов сделал свой выбор в самый последний момент. В 17 лет, в один день принял решение, определившее всю дальнейшую жизнь, – пошел учиться на военного инженера.

Впоследствии он неоднократно подвергал сомнению это свое решение – оценивал достигнутое, сравнивал себя с другими. Сегодня считает: решение было правильное.

Из трех возможных направлений – гуманитарного, естественнонаучного или технического – выбрал последнее. А ощущал себя чистым гуманитарием. По застенчивости и из самолюбия никогда и никому не говорил о своей мечте стать писателем. Вопрос о писательстве уходил на второй план. Быть сочинителем изящной словесности (беллетристики), услаждающей людей на досуге. «Глаголом жги сердца людей». Каким глаголом? Как жечь? Нет ответа.

За мечту стать писателем ему крепко досталось от Белинского. Мечта и так-то была довольно зыбкой, а после едких насмешек уважаемого учителя совсем ослабела. В «Обыкновенной истории» Гончарова восторженный юноша, решивший посвятить себя только самым высшим сферам, выбирает поэзию, писательство. Обвинительное заключение критика занимает несколько страниц, главное же вот в чем: все другие высшие сферы требуют большого подготовительного механистического труда, будь то наука, архитектура, живопись, музыка. Сочинительство кажется доступным с нуля. Там же у Белинского – о пустых фантазиях вместо знания жизни. Обидно, но справедливо.

Пять лет беззаботной и скучноватой учебы в академии.

Научился конспектировать, то есть записывать самое существенное, на ходу схватывать смысл новых понятий, каждой лекции и всего курса в целом. Поэтому на экзаменах без больших усилий восстанавливал ранее понятое и записанное, и сдавал на отлично, на «пять». Был такой случай на первом курсе. На экзамене по математике он ответил по билету на вопрос по интегралу, математик задал дополнительный вопрос по следующему интегралу, ответил без подготовки, потом еще и так ответил сходу по всем интегралам в тринадцати билетах. Через день на консультации для второй части курса математик отметил его ответ как выдающийся. Колесов был и удивлен и польщен.

Потом появилось и немного четверок. Из-за своего малодушия лишился диплома с отличием. Последняя лишняя четверка была получена за стажировку в воинской части, куда он ездил вдвоем с однокурсником – беспечным празднолюбом. Поддался вредному влиянию – бездельничал вместе с ним. В части они были только в первый и последний день. Командир части ничего не сказал, только отметил в отзыве отсутствие замечаний по стажировке ввиду отсутствия таковой. В академии преподаватель подумал над отзывом и тоже нашел мудрую формулу – поставил им по тройке. Недостачу обнаружил начальник курса папа Ревельс, отправил его на переговоры с преподавателем, тот исправил отметку на четверку. При робком упоминании насчет диплома с отличием преподаватель наконец-то вышел из себя – повысил голос. Кому что – вот он вспоминает и размышляет, а празднолюб – хоть бы хны. Хорошо провел время – отдохнул, познакомился на танцах с симпатичной учительницей и трахал ее с первой же ночи.

Родной вуз было за что ценить. Обычно нелепости бюрократической системы портят жизнь людям. Здесь получилось наоборот. Еще до войны главный военный начальник издал приказ, по которому принятым в военную академию гражданским лицам присваивалось офицерское звание после первого курса учебы. Может быть, имелись в виду какие-то особые слу-

чаи, для каких-то солидных граждан. Он же благодаря этому приказу в мирное время стал офицером в 18 лет!? Ничего, что младшим лейтенантом, зато со всем, что положено – обмундирование, сапоги хромовые, очень красивые серебристые погоны, зарплата на уровне гражданского инженера. Для сравнения: курсанты ленинградских высших училищ находились в казармах все пять лет учебы и получали офицерское звание только при выпуске. (Через два года начальство академии спохватилось, и система все-таки упорядочилась: в казарме – три года, офицерское звание – после третьего курса.)

Его не коснулись отрицательные стороны военной жизни. Дедовщины в то время не было в армии вообще, тем более в академии. В начале учебы бывший суворовец попытался воспитывать – бросил в его тарелку грязную корку, он встал и ушел. Больше он не приставал, очевидно, товарищи подправили его.

На 22-м году жизни завершилась 15-летняя учеба. Глядя на диплом инженера, подумал: хорошо, есть ремесло для выживания. В жизни пригодилось не более пяти процентов полученных в вузе знаний.

Одновременно с учебой шло воспитание. Воспитывали все, кому это положено.

Воспитывали партия и правительство – в соответствии с советским моральным кодексом.

В их среде не было пьянства и алкоголизма, кровавых драк и поножовщины.

Вместе с близкими товарищами не курил. Плюс родовое:

– Не имею права курить, – заявлял с гордостью, – у меня два деда и отец не курили, не говоря уж о матери и бабушках.

Государство просило не ругаться матом. Это трудно. В семье не ругались, но долгая жизнь в мужской среде затягивала на сквернословие. В юности дал себе слово: не буду. Ругаться не интеллигентно. Убедил великий педагог Макаренко: для взрослых людей матерщина – безличные символы, но для детей они вредны. И психологи утверждают: привычно-повседневный мат теряет свое назначение – выплескивать грязь.

Трое его школьных товарища тоже не матерщинничают. Интеллигенты. Но два других близких – просто по черному. Хотя тоже интеллигенты.

Со временем вынужден был сдаться, но обязал себя ругаться по норме, не чаще одного раза в квартал.

Кое в чем Колесов сам себя воспитывал. Еще в детстве обнаружил, что не умеет шутить: рассказывая смешное, сам радуется и смеется, а получается наивно и неумно. Тогда он стал учиться говорить о смешном почти всерьез, изображая недоумение и удивление. Теперь получалось смешно. Но иногда теряется грань, непонятно: человек говорит серьезно или шутит – придуривает, выкобенивается, ерничает, юродствует, скоморошничает... Иногда собеседники недоумевают, иногда подхватывают «логику» рассуждений, и шутка превращается в издевку. Говорят, что ерничанье исконно русское свойство: самоутвердиться через самоунижение. Я, мол, настолько себя уважаю, что могу и в дурачка поиграть, в скомороха, меня с того не убудет. Хрестоматийные образцы – сказочный удачник Иванушка—дурачок, русские похабные частушки и т. п. Гордиться тут нечем, есть такой факт и более ничего.

Вообще школьное и вузовское братство – интересная вещь. В учебе для всех равные условия ответственности и безответственности – все на одном уровне иерархии – нулевом, каждый отвечает только сам за себя. Отсюда – минимум претензий друг к другу, отсутствие причин для конфликтов, дружба и товарищество на всю жизнь.

Главным же воспитателем было то большое и смутно делимое, что называется – общество, народ, государство. Он вырос и жил в советском государстве.

Прежде всего надо отметить, что оно – государство – направило на него мощный набор технических средств: книги, газеты, кино, радио, позже телевидение. Причем бесплатно или недорого. Конечно, при желании остаться свободным от государства можно было бы отказаться от них. Некоторые так и делали – не читали ни книг, ни газет – не из протеста, а от равнодушия.

А другие читали из интереса: сначала сказки, приключения, а затем меньшая часть приучалась к романам, некоторые прочитали даже «Войну и мир» и «Тихий Дон». Но государство и общество не ограничивались только бесплатными библиотеками (только приди, возьми и читай), они усиленно внушали почтение к культуре, к образованию. «Все лучшее во мне я обязан книге» – висел везде лозунг. Он тоже обязан. Возникло общепринятое мнение: «наша страна – самая читающая страна в мире». А вождь добавлял: настоящим коммунистом можно стать только лишь овладев всем тем богатством культуры и знаний, которые созданы человечеством.

Что же читали? В то время уже не было попыток сбросить Пушкина с корабля современности. В библиотеках была вся отечественная и зарубежная классика, современная литература – наша и большая часть западной. Писатели – «инженеры человеческих душ» – оказались возведенными на уровень высших авторитетов, классики – Пушкин, Гоголь, Толстой и другие – возвеличивались в духе религиозного преклонения перед их национальным гением. Может быть, это было некоторой компенсацией государственного безбожия.

Все писатели – и наши, и западные – всегда выступали за народ и против врагов народа, за бедных и против богатых, за справедливость.

Подпортить воспитание могли писатели соцстроя. Посмотрим на лучших из них.

Шолохов за «Тихий Дон» получил Нобелевскую премию. Мировое признание. Значит, не мог подпортить.

Маяковский – любимый поэт, наряду с Пушкиным, Лермонтовым, Гейне. Талант его не оспаривается. Его стихи (образы, метафоры, аллитерации, рифмы, ритмы) захватывают, увлекают, поднимают. Он тоже – за народ, за отечество – «пою мое отечество», «читайте, завидуйте, я гражданин» Российского государства. Как у всех: «Америка, Америка, любимая страна», «Германия превыше всего» и т. п.

Идея смысла жизни звучит в завете советского святого подвижника: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и ее прожить надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить».

Колесов застревал на первой части – дается один раз, потом отнимается и больше уже никогда не возвращается. Полная безнадежность. Страшно. Спешу делать добро. А кому не страшно, те рассудили так: «...и прожить жизнь надо так, чтобы потом было о чем вспомнить».

«Из всех искусств важнейшим для нас является кино», говорил Ленин.

В кино ходили все. Воздействие сильнейшее – сидишь в массе людей в темном зале, полностью погружаешься в придуманный мир.

Кто же здесь воспитывал? Тоже уважаемые люди. Авторы «Чапаева» – фильма, занесенного в сотню лучших фильмов мира. Кто занес? Уважаемые люди мира.

Другие режиссеры – Ромм, Козинцев, Хейфец и др. – также были признаны всем миром.

Ромм обличил тоталитаризм в «Обыкновенном фашизме», показал прекрасный мир ученых («Девять дней одного года»).

Козинцев поставил общепризнанные шедевры «Дон Кихот» и «Гамлет».

Хейфец сделал прекрасную «Даму с собачкой». «День счастья», «Плохой хороший человек» – хорошие фильмы.

Выдающиеся режиссеры останутся на скрижалях истории нашего и мирового кино.

Вот только теперь уже не вспоминают об их более ранних фильмах, поставленных с тем же мастерством и прославивших их еще до войны.

Ромм поставил фильмы «Ленин в октябре» и «Ленин в 1918 году» – о «самом человечном человеке».

Козинцев вместе с Траубергом создал трилогию о Максиме, исключительно обаятельном русском парне – настоящем коммунисте.

Хейфец – «Член правительства», фильм о простой русской бабе, ставшей председателем передового колхоза.

А какие артисты играли! Вся культура русского театра, признанная всем миром школа Станиславского, все традиции и новации были использованы для давления на него (воспитания). Какие гениальные артисты играли – Щукин, Черкасов, Бабочкин, Чирков, Ванин, Толубеев, Тарасова и еще многие, многие...

В комедиях и приключенческих фильмах воспевались благородство, отвага, крепкая дружба, красивая любовь... «сердце, как хорошо, что ты такое...», «а еще надо, чтобы разведчик очень любил свою Родину».

Таково было искусство соцреализма: «Ребята, давайте жить дружно».

Кино смотрели с удовольствием. Как оно воспитывало других (народ) – отдельный разговор, а в нем воспитывало добро, впрочем, как и все другое искусство.

Теперь о радио и другой технике. В его детстве были: черная настенная тарелка (репродуктор) проводного вещания и патефон. Еще до войны радио было в каждой квартире, потом дошло и до деревни. Государство щедро тратилось на агитацию и культуру.

Руководители радио несли в массы высокую культуру: лучшие театральные спектакли великих мастеров МХАТа, Большого театра, Малого театра, музыкальную классику – Глинку, Чайковского, могучую кучку, современных гениев – Шостаковича, Прокофьева, Дунаевского, Хренникова, зэка Русланову, невыездных и неведомых миру Козловского и Лемешева, эмигранта Шаляпина.

Почему они так поступали? Зачем они навязывали массам эту высокую культуру? Ответ простой – такова была генеральная линия партии. Если в двадцатые годы линия еще колебалась между традиционной и новой пролетарской культурой, то в начале тридцатых товарищ Сталин сделал выбор, и старая культура стала работать на новый строй. Нашему герою повезло, а широкие массы терпели навязываемую им ежечасно классику. Демократия и реставрация капитализма освободили их от этого ярма. Классика, как ей и положено, стала уделом незначительного меньшинства. В котором он пребывал и раньше.

Когда-то только богатые бездельники – аристократы могли позволить себе содержать при доме музыканта типа Гайдна и каждый день заказывать ему новую музыку на после обеда. В 19 веке круг слушателей немного расширился за счет концертов. Немного – потому что дорого. Только в рыночной экономике выявилась реальная цена музыкантам – билеты в Филармонию подскочили в разы.

Поэтому он очень благодарен партии и правительству за заботу о его культурном воспитании. За ничтожную плату узнал и полюбил музыку – разную и всякую, от Моцарта и Чайковского до Кальмана и Дунаевского. До сих пор способен плакать как от шестой симфонии Чайковского, так и от «Графини из Гонконга» Чарли Чаплина.

Глава 2. Мечта

Еще в юности он решил, что у него есть голос, и он может стать певцом. Мечта осталась, параллельно с учебой в вузе он пел в хоре Выборгского дворца культуры и в вокальной группе. Педагог – Петр Петрович Гусев, бывший солист императорского Мариинского театра. На фото в театре он князь Светозар в «Руслане и Людмиле». Теперь ему под шестьдесят, лицо и весь облик шаляпинские.

Таинства техники пения открывались перед ним. Пение как физический процесс – это непрерывная подача воздушного столба от диафрагмы на голосовые связки и наложение на это поток резонатора – полости рта, горла, губ. Слова надо произносить так, чтобы поток не прерывался. Прижимать согласные звуки к гласным, тогда достигается правильная постановка голоса. Бельканто, кантилена.

Самое же главное для правильного пения – снятие напряжения во всем теле: в ногах и руках, на лице и особенно в брюшном прессе. Это оказалось самым тяжелым для него: не умел расслабляться.

Трудно петь по два года одни и те же мелодии. Чувства проявились на любимом романсе «Мне грустно, потому, что я тебя люблю». Пел с выражением.

Петр Петрович изредка перемежает уроки занятыми комментариями, рассказывал о Шаляпине, Ершове.

О своей работе в художественной самодеятельности:

– Наша задача здесь не в том, чтобы научить петь, а в том, чтобы нести в народ культуру, прививать любовь к настоящему искусству.

О способной и сексапильной ученице:

– Наверно, какой-нибудь свой парень уже просверлил ей дырку.

Как-то посоветовал:

– Голос береги.

– А что значит беречь?

– Е.. поменьше.

– Так вы говорили, что это только на мышцы живота влияет.

– А гормоны? Это все истощается.

– И это влияет на голос?

– Еще бы! Был у меня знакомый баритон, который перед выходом на сцену «делал» хористку. Сначала голос звучит хорошо, затем значительно ухудшается. И быстро снашивается. Этот баритон через несколько лет сошел со сцены, «Прое. я свой голос», – жаловался мне. Влияет не только на голос, на память, на все состояние человека. Умеренно нужно!

Петр Петрович дал ему арию Фигаро из оперы Моцарта «Свадьба Фигаро», вероятно, для обучения артикуляции. Для него это был праздник жизни: «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный...»

– Певцу мало иметь голос, важен весь комплекс, – говорил Петр Петрович.

– В каком смысле?

– Кроме голоса нужно многое другое: ум, чувства, общая культура. Всё в комплексе.

– Подберу тебе неаполитанскую песню, – пообещал Петр Петрович.

Ах, как он хотел спеть неаполитанскую песню. Он бы всего себя вложил, весь восторг, всю душу. Может быть, даже отставил бы ногу, приложил руку к груди... Но – шел уже третий год вокальной учебы, последний. По окончании вуза предстоял отъезд из Ленинграда. До неаполитанской песни дело не дошло.

Фигаро отрезвил его, он уразумел – у него нет двух верхних нот!

Крах мечты. Катастрофа.

Диапазон вроде бы можно расширить. Но это уже был не киношный вариант «Музыкальной истории»: пришел, спел, победил. А если не удастся расширить? И как строить дальнейшую жизнь? Рисковать?

Через год он приехал в Ленинград в отпуск, зашел в дворец культуры. Встретили хорошо, Петр Петрович ласково улыбался, концертмейстерша сказала: «Я больше всего любила заниматься с ним».

.

Глава 3. Атомная бомба – это же очень просто

Колесова в числе двух десятков слушателей распределили на работу по анкетным данным. Незадолго до выпуска в академии появились таинственные офицеры из Москвы. Они покопались в личных делах, ни с кем не беседовали, составили списки и уехали. В списки попали лучшие – по отметкам и по поведению. «Лучшие» фантазировали. Володя Романов предположил:

- Наверно, что-нибудь из новенького, самолеты-перехватчики, управляемые по радио...
- Может быть, новейшие средства связи с автокодированием... – размышлял Рем.

В Москве «лучшие» ходили по инстанциям: из главного управления кадров минобороны в какое-то министерство среднего машиностроения в замызганном квартале за площадью трех вокзалов. Их прикомандировали к этому министерству. Будущее оставалось неизвестным.

Рем возмутился:

– Ребята, смотрите, что насочинял автор в романе об офицерах: они, мол, входили в грандиозное здание управления кадров, где мы только что были, с восторженной готовностью самоотверженно служить в любых трудных условиях, в самых глухих местах...

Друзья поддержали: да, мы готовы служить Отечеству, но лучше с удобствами. Жилье, быт, зарплата, отдых. В хорошем городе или вблизи него. А таких, которые в романе, мы не знаем.

Они решили кутнуть. Рестораны, музеи, Сандуновские бани, Всесоюзная выставка народного хозяйства, Новодевичье кладбище...

В ресторане Слава говорил:

- Валя, собери деньги, будешь расплачиваться, у тебя хорошо получается.

Ребятам понравилось, как он небрежно бросал официанту веер ассигнаций – легко и скромно: сдачи не надо.

В туалете им чистили щеткой спины, недовольный Рем ерзал плечами, не имея возможности оторваться от писсуара.

На Новодевичьем кладбище набрали на похороны.

– Смотри, Козловский! – воскликнул Романов и без стеснения пробрался поближе. Хоронили музыкального деятеля.

- И что Козловский говорил?

- Что-то непонятное, замысловатое, мы уже с тобой, ты с нами...

Лучший бас страны Пирогов скорбно молчал.

Так они ничего и не знали о своей будущей работе, даже когда уже приехали в степной Крым (в Багерovo) на курсы. Уже замелькало слово «изделие», с которым они будут работать, но что это за «изделие» – никто не говорил. И вот наконец их повели в ангар, где находилось это самое таинственное изделие. Они увидели его висющим на цепи над их головами.

Это была... обыкновенная атомная бомба.

Такого они не ожидали. Как говорится, ларчик просто открывался. Потом, после ангара Романов и Колесов переглянулись и грустно усмехнулись. Стало ясно: им предстоит обслуживать ответственную, но не очень сложную технику и притом именно обслуживать: ничего не изобретать и не придумывать.

Это был 1955 год, шесть лет назад было создано советское атомное оружие. Теперь бомбы поступали на аэродромы дальней авиации, а для работы с ними Минсредмаш создавал свои команды. Брали всех: радиоинженеров, электриков, химиков и даже метеорологов, поскольку на бомбе имелись бародатчики.

Атомная бомба, метра три в длину, полтора-два в диаметре – это очень простая штука, даже непонятно, почему столько страстей было вокруг ее создания. Внутри внешнего кор-

пуса есть шар полтора метра диаметром, наполненный взрывчатым веществом – толом. Внутри этого шара вставляется через радиусную выемку центральная часть сантиметров тридцать в диаметре – ядерный заряд. На поверхности большого шара устанавливаются 32 иницирующие взрывателя, которые взрываются при подаче на них электрического напряжения, они взрывают тол большого шара, от этого взрыва сжимается ядерный заряд, и, как говорится, пожалте бриться – вот вам Хиросима и вот вам Нагасаки.

В системе управления бомбой есть пара десятков реле, несложная электрическая схема. Бомбу выгоднее взрывать над землей, на высоте нескольких сот метров, поэтому на ней устанавливаются два бародатчика и радиодатчик.

Организаторы новой службы, созданной еще Берией, действовали быстро и энергично. Так, например, радиоинженеров они поставили на зарядку бомбы иницирующими взрывателями. Не говоря уж об отдаленности радиотехники от взрывчатых веществ, было еще одно интересное обстоятельство. Эти маленькие устройства – размером с пол-стакана – имеют свойство взрываться прямо в руках от того электростатического напряжения, которое, оказывается, накапливается в человеческом теле в количестве, вполне достаточном для того, чтобы остаться без кистей рук.

– Это впервые обнаружилось на заводе, – объяснил инструктор, – нескольким молодым работницам оторвало пальцы. У них накапливается большая электростатика – длинные волосы, физиология...

Выработали технологию безопасной работы: нужно обуться в кожаные тапочки, на голову одеть шапочку, встать на заземленный металлический лист, руки положить на такой же лист на столе, спустить тем самым с себя электричество и уж только тогда хвататься за взрыватели.

Конечно, люди военные готовы к любым зигзагам дисциплины, но такого удаления от своей профессии радисты не ожидали. В конце учебы они устроили маленький бунт, и их оставили переучиваться на радиодатчик и электроавтоматику. (Антисоветчики много врут о советском прошлом: по их версии взбунтовавшихся радистов должны были тут же поставить к стенке или хотя бы сослать в лагерь).

После курсов и отпуска Колесову дали явку для прибытия к месту службы. Конспирация в своей стране: нужно приехать в управление КГБ в Феодосии, предъявить документы. Оттуда его отвезли в закрытый городок в крымских горах. Здесь десяток жилых домов, казармы, штаб, дом культуры, котельная и др. Главное же – сооруженный внутри гор комплекс хранилищ и тоннелей в несколько сот метров с рельсовой дорогой. В хранилищах находились атомные бомбы, которые офицеры ввозили и вывозили на тележках вручную. На пустых тележках они с большим удовольствием катались по тоннелям.

После многолетней нудной учебы военные инженеры получили увлекательную работу. На железнодорожных платформах близ Феодосии перегружали из вагонов в автомашины ящики и контейнеры, в которых находились несобранные части атомных бомб. Непонятно, почему они не были собраны на заводах. Делали сборку – внутри пустого корпуса устанавливали электрические кабели и детали, вставляли толовый шар, центральную часть, в общем – всю сборку от нуля. Колесов отметил, что болты и винты закручивает вкривую – в вузе этому не учили. Как-то его сурово ругал старший – на погрузке он уронил ящик с центральной частью, проще говоря, с ядерным зарядом.

Собранные бомбы перевозили в хранилища. Когда в одном из хранилищ (внутри горы) просочилась вода, начальник объекта попросил офицеров произвести ремонт: по условиям режима рабочие сюда не допускались. Офицеры занялись мелиорацией – с интересом поработали отбойными молотками, копали траншеи, укладывали трубы. Наградой за эту работу стала поездка в Севастополь.

Выяснилось, что они, группа из 20 офицеров, находятся здесь временно, до окончания строительства своего объекта. Где он – пока они не должны знать.

Был первый личный трудовой успех. Романов и Колесов смонтировали в хранилищах дистанционные измерители влажности – самописцы с записью данных на бумажную ленту. А приборов для измерения температуры не прислали.

– Слушай, – сказал Колесов, – можно измерять температуру на этих же приборах, отключая влажный термометр.

– И мерить на сухом?

– Ну да, а вместо влажного подключать сопротивление.

Обсудили, сделали. Пустяк, а приятно. Оформили рацпредложение и получили вознаграждение.

Работы на временном месте службы было немного. Через полгода атомная команда выехала к постоянному месту работы – в Полтаву.

Им повезло – военный городок на окраине Полтавы, жилье в домах, специально для них построенных. Избежали обычной беды начинающих офицеров – снимать жилье. По условиям службы они должны сидеть дома после работы, быть готовыми выехать по тревоге. В город можно отлучиться три раза в неделю. За особый режим доплачивали 30 процентов. Режим тоскливый – это плохо, но деньги – это хорошо. У них и оклады были выше обычных армейских, итого выходило почти в два раза больше, чем у соседей – авиационных инженеров. Он отсылал матери четверть получки.

Дома для них построили быстро, дешево и сердито – тонкостенные двухэтажки, обложенные черепицей, с удобствами во дворе. Вода – из колонок на улице, уборные – очки на ямой. Как-то командир атомной команды предложил:

– Давайте разделим уборные на мужские и женские – неудобно шуметь в присутствии женщины за перегородкой.

Поздно предложил, уже привыкли.

Их атомная база – в десятке километров от аэродрома, проезд через поле Полтавской битвы по шведским позициям.

Два человека доказали опасность службы. Главный сборщик ядерного заряда Юра облущился законно – по должности. Автоматчик Витя с ядерным зарядом не работал, из любопытства полез посмотреть загрузку его в бомбу, в это время оттуда идет самый мощный поток радиации.

Оба они по несколько месяцев лечились в Москве, вылечились.

Другие ничего в своих организмах не ощутили.

В полуподземных хранилищах находятся готовые к использованию бомбы. По тревоге оставалось только зарядить их теми самыми штуками, которые взрываются в руках. Затем бомбу везут на аэродром, подвешивают в бомболюк самолета, в кабине летчиков Колесов или его напарники делают последние контрольные проверки.

Государственная задача – уложиться в шесть часов от выезда из дома до установки бомбы в самолет. Все старались. Небрежность, халатность недопустимы, постыдны. Значимость дела обязывала и воодушевляла. «Служу Советскому Союзу!»

Впрочем, работ по тревоге было немного, несколько раз в месяц. Обычная работа: проверка устройств, установка их в бомбу, контрольные прогоны с имитацией сброса бомбы, ее падения и подрыва.

Остальное – рутинная работа, которой занимались офицеры: в сверхсекретные помещения никто кроме них не допускался, поэтому всё делали сами: зарядка аккумуляторов, накачка шин бомбовых тележек до требуемого давления, уборка помещений, мытье полов, круглосуточное дежурство в хранилище.

Большое везение – отсутствие солдат в их атомной команде, то есть свобода от их воспитания, от их самоволок, пьянок, наказаний и т. п.

На дежурствах в хранилищах главная задача – поддерживать требуемые температуру и влажность. Замерить их внутри и на улице, включить вентиляцию – вытяжную или приточную. Что включать, на сколько часов – решали на уровне здравого смысла. Но вот интеллигентный Гриша-харьковчанин сделал методику: графики, диаграммы, зоны температуры и влажности, порядок действий...

Колесов внимал с восторгом, с белой завистью: ай да молодец Гриша – надо было всего лишь знать физику 10-го класса и уметь инженерно мыслить. А главное, загореться идеей.

Уже обозначился в целом ритм работы и службы в армии: большая занятость – по времени и большое безделье – по занятости. И только изредка, в авральном порядке – напряженная работа.

«И так все предстоящие двадцать пять лет», думал он, пока еще без отчаяния.

Много рабочего времени занимали спорт и политико-воспитательная работа – политзанятия, командирская учеба, художественная самодеятельность. Политзанятия ежегодно начинаются с освобождения крестьян в 1861 году и далее как успеется. Важное политическое мероприятие – праздники, готовятся к ним в рабочее время. Колесов на праздничных вечерах пел любимое французское: «Листья кружат, сад облетает...»

Командирская учеба – воинские уставы, техника, опять политика и т. п. Армейский анекдот: «Какое у вас образование? Пять лет академии минус двадцать пять лет командирской учебы».

Перечислено немало разных дел, но все-таки основное время уходило на важное и приятное – дружеские разговоры обо всем, на болтовню – так называемый треп. Или, по настроению, просто на молчание, ожидание конца рабочего дня. «А что? Нормально – армия для того и создана, чтобы сидеть и всматриваться вдаль – как там противник, не посягает ли».

Тематика трепа весьма устойчивая – пьянка и бабы. Впрочем, атомные офицеры, армейские интеллигенты, отдавали дань международному и внутреннему положению.

– Ребята, – рассказывал Романов, – побывал я на авиационной базе отдыха, там летчики гуляют и пьют по черному. Беспробудно.

Конечно, летчики имели право брать от жизни много и быстро. Примерно через каждые полгода по Полтаве проходила траурная колонна с останками летчиков (кладбище на другой стороне города). По рассказам авиаторов частой причиной аварий был слишком длинный нос бомбардировщика ТУ-16. Этот нос отваливался от удара при неаккуратной посадке. Один раз приезжал сам Туполев – укреплять нос.

На базе ТУ-16 впоследствии сделали пассажирский самолет ТУ-104. Колесов бравировал своей осведомленностью: летаю, мол, на нем без всякого удовольствия.

Глава 4. В войну за такие вещи ставили к стенке

– Я однажды чуть не взорвал всю Полтаву, – так он рассказывает *истинную быль* о коротком замыкании на бомбе.

В большом зале он делал свою обычную работу – проверку радиодатчика, установленного на бомбе. Нос бомбы – поворотная четверть сферы – был открыт. Толовый шар бомбы находится за носовой частью, то есть прямо перед ним. Он подвез аккумулятор и стал подключать к радиодатчику кабели. Один кабель упал на аккумулятор, его разъем попал прямо на плюсовую клемму. В этом месте возникла мощная искровая дуга. В долю секунды он ударил ногой по кабелю и прекратил разряд.

До сих пор он считает несовершенной, мягко говоря, электрическую схему контроля. Авторы – *нестерпимые гении* Харитон и другие – немножко недоработали. Короткое замыкание в цепи произошло через корпус бомбы, никаких предохранительных, защитных элементов в схеме нет.

Конечно, насчет всей Полтавы можно еще подумать – дело в том, что центральная часть (ядерный заряд) в бомбе не стояла, это не допускается при проверках. Но если бы взорвался только шар с полтонной тола, то и это было бы интересно. На терактах от взрывчатки в 200 грамм погибают десятки людей. Его бомба уничтожила бы полностью здание, а также и соседние здания, начиненные заряженными бомбами... Да уж, атомную базу предусмотрительно разместили в десятке километров от города.

Маршал Судец, командующий дальней авиацией страны, приехал в часть очень удачно – на следующий же день (визит-эффект). Маленький, черненький, злобный, похожий на Гиммлера, он стоял перед шеренгой офицеров на месте происшествия. Слов было мало, врезалось только:

– В войну за такие вещи ставили к стенке.

Вечером он шел один по военному городку и переживал. «Происшедшее – случайность, не виноват я. За это лишать меня жизни?...» И в то же время было ясно, что в войну маршал сделал бы именно так. Таков порядок – наказать в острастку другим, если не виновного, то хотя бы причастного. Могильный ветерок, ужас неизбежности – мелькнуло и прошло. Осталось только гордиться быстрой реакцией – ударом ноги по аккумулятору.

Его вообще никак не наказали. Гауптвахта – слишком мягко. Депремировать – в армии нет премий. Начальству выгоднее было замолчать само событие – маршал знает, указаний не дал...

Когда же на коллективном выезде на речку утонул подвыпивший капитан, дело кончилось снятием с должности командира части. Утопленника не замолчишь, о принятых мерах доложили по команде. Естественно, в работе командира части обнаружились и другие упущения.

Министром обороны был маршал Жуков. Министр был суров, но справедлив. Каждую неделю зачитывались его приказы с неизменной жуковской тройчаткой СПУ – снять, понизить, уволить. Например, некий ретивый лейтенант приказал двум солдатам привязать швабру к рукам непослушного третьего и двигать его руками – мыть пол. Жуков уволил из армии лейтенанта, понизил в звании его прямого начальника и снял с должности командира части. Так на практике преодолевалась неопределенность (энтропия) – вину каждого из троих измерить трудно, но оставить без наказания нельзя. Язык жуковских приказов отличался суровостью и краткостью. Один из приказов обязал генералов столоваться вместе с офицерами – быть с народом. Отмечая излишнюю тучность генералов и офицеров, он ввел еженедельные спортивные занятия – на весь день. Славно поиграли молодые офицеры в футбол и другие игры... Сожалели: зря сняли Жукова, хороший был министр. После него играли только полдня.

Министерство атомных бомб (среднего машиностроения) решило создать собственные контрольно-измерительные лаборатории. Одну из них – в полтавской части, для работы по всем украинским атомным объектам.

Колесов попросился в эту лабораторию и был назначен начальником. Решение его было необычным (неординарным). В то время еще не было почина и линии партии о переходе на отстающие участки с понижением зарплаты. Он невольно опередил будущий почин Валентины Гагановой. Зарплата действительно понижалась на двадцать процентов. Наверно, никто из его товарищей не пошел бы на это. Кроме того, он выбывал из престижной атомной команды, где были виды на дальнейший служебный рост.

Один из сослуживцев снял подозрение в бескорыстии (альтруизме): «Хитер Колесов, на гражданку метит» И он был прав – там эта специальность широко распространена. Государство установило эталоны длины, веса и другие, с которыми должны сверяться все обмеривающие и обвешивающие. Созданы контрольно-измерительные лаборатории проверки точности гирь, весов, мер длины, часов, электроприборов и др.

Министерство решило иметь свои собственные лаборатории, очевидно, по соображениям секретности – как бы враг по набору сдаваемых на проверку вольтметров и амперметров не догадался о наличии на аэродромах атомных бомб. В результате возникла проблема – лаборатория из четырех человек должна охватить все виды проверок, которыми на гражданке занимается разные специалисты: механики, электрики, радисты и другие. Зато Колесов обрадовался возможности хорошенько разыграться, поработать серыми клеточками. Самостоятельно изучил техническую литературу, в вузе этих знаний он не получал.

Вскоре министерство направило его и еще трех начальников лабораторий на три месяца в свой главный атомный центр – Арзамас-16, ныне город Саров.

Жизнь окрасилась яркой страницей – он побывал в центре создания атомного оружия. Город примерно на сто тысяч жителей находится в центре огороженной лесной зоны. При въезде-выезде – тщательная проверка документов. Внутри – обычная городская жизнь – магазины, кинотеатры, театр, заводы, институты и даже хулиганы. Романтический размах... В местной лаборатории он осваивал свою профессию. Ходил в театр, в кино, на каток.

Строгий режим и величие системы не исключали простейших сбоев. Начальники лабораторий приехали в центр с месячным запасом денег. О дальнейшем никто не позаботился. Им запретили какое-либо общение со своим начальством на местах и в Москве. Деньги кончались. Они пошли к начальнику центра Александрову. Нет, не академик, но тоже историческая личность. Энергичный, волевой, решительный, лет сорока – настоящий советский директор – он, во-первых, принял их (это тоже надо отметить), во-вторых, расспросил об их делах и обещал все решить. Кое-как они прожили еще пару недель, но деньги так и не пришли. Пошли снова. Начальник оправдал свой волевой образ – при виде их он разгневался:

– Что вы ходите, я все решил!

– Но мы ничего не получили, – робко сказал Колесов.

Александров осекся, замолчал – система оказалась сильнее его. Деньги пришли через день. Когда они возвращались через Москву, полковник из управления слегка укорил их:

– По таким вопросам не следовало обращаться на такой уровень.

Значит, хороший скандал (раздолбон) устроил Александров и этому полковнику, и всему их управлению.

С большим азартом он влез в новую работу. Освоил методики проверок и обучил техников. Изобретал способы проверок, иногда рисковал. Некоторые решения были простые как мычание. Так, например, секундомеры проверяли по радиосигналам точного времени. Кто мог

возразить, что нельзя, что такой метод не утвержден? Ведь использовался самый точный эталон.

Обеспечил проверки на своих объектах – здесь в Полтаве, в Белой Церкви, в Стрые и еще трех городах – нет вопросов. Только радиоаппаратуру он проверял сам: проверка сложная, ездил в другие города на автомашине, иногда на самолете.

Ни командир местной части, ни окружное начальство в Виннице его не контролировали.

В подчинении три офицера – инженер и два техника. Техники пришли с аэродрома, из самолетной obsługi. Старше начальника на десяток лет, семейные, с детьми, с большим жизненным опытом и четкой установкой – дослужить до военной пенсии, для чего – не попасть под сокращение. Работали старательно. Жили спокойно, без конфликтов.

Старший лейтенант Селезнев раньше, до женитьбы – жизнерадостный красавец, любимец женщин, попок, гулянок, но – чуткий устав. Теперь он примерный семьянин, побаивается своей красавицы-жены, никаких пьянок, обильная и жирная пища против подозреваемого туберкулеза легких. Сильно растолстел, но лицо оставалось мужественно красивым. Откровенно подбострастен к начальству – мелкие услуги для дома, лесть. При подаче с хорошим юмором это сходило за широту души. Последняя – широта души – тоже имела. От него Колесов набрался рецептов солдатской мудрости типа: «Нас толкнули, мы упали, нас подняли, мы пошли», «Не предлагай ничего нового, сам будешь исполнять» и т. п.

В установке «выжить» он все-таки не перестарывался. Его история с майором КГБ стала для Колесова классикой на всю жизнь.

Майор – сотрудник КГБ в их части – пригласил Селезнева для беседы в первый же день его прихода. Долго говорил о бдительности, об особом режиме и уже подбирался к главному – к нашей общей задаче по сохранению гостайны, выявлению опасных настроений. Тут Селезнев прервал его:

– Товарищ майор, я не пью.

Майор опешил: – А при чем тут пью, не пью?

– Нет, серьезно, товарищ майор, не пью ни капли. Мне категорически нельзя пить.

Они покрутились несколько раз вокруг этих фраз, Селезнев однообразно повторял только то, что он не пьет. С этим майор и отпустил его.

Через некоторое время майор при встрече обиженно сказал Селезневу:

– Так ты считаешь, что в нашей работе нужно пить?

– Да нет, – обрадовался Селезнев, – я вам серьезно говорю, что я не пью, здоровье не позволяет. А когда люди секреты разбалтывают? По пьянке, когда выпьют. А я, товарищ майор, не пью, ни капли не употребляю.

Майор махнул рукой и отошел. Он все-таки завербовал кое-кого в сексоты. По глупости они проявлялись – вычислялись сослуживцами и высмеивались за глаза.

На должность инженера прислали москвича Одинцова. Человек живой, общительный, языкастый, из привычного круга молодых офицеров – свой парень. Он быстро сошелся с Колесовым и с его товарищами по атомной команде: спорт, отдых, развлечения. Одно было плохо – он не любил и не хотел работать. Техники его недолюбливали. Через полгода Одинцов, сын генерала, героя войны, перевелся в атомную группу другой части. Потребовалась характеристика. Проявив практичность, то есть некоторую беспринципность, Колесов составил ее обтекаемо положительной. Уже после отъезда Одинцова почему-то запросили повторно дать характеристику. Тут-то он и развлекся. К каждой фразе прежнего текста добавил «но» и «однако». Например, после слов «к работе относится ответственно» добавилось «однако порученные задания не доводит до завершения». Успокоил свою совесть. Известная схема – негодный работник отовсюду вытаскивается и попадает наверх. С опозданием, но Колесов вышел из схемы.

Три года он работал начальником лаборатории. Эта первая самостоятельная работа оказалась опытно-показательной – в части плюсов и минусов. Присущее ему самолюбие (гордыня) настраивало на работу ради общего блага, а не для карьеры, не для угождения начальству. Поставил цель: охватить объекты всеми видами проверок, сэкономить на использовании гражданских лабораторий и увеличить тем самым общее благо.

Офицер из управления передал ему мнение окружного начальства: Колесов хорошо организовал работу, охватил объекты проверками. Он искренне удивился, более всего потому, что не предполагал внимания окружного начальства к работе, второстепенной по сравнению с работой атомных команд. Для опыта жизни важен был вывод: общее и личное благо могут не противоречить друг другу. По делам их судите о них. На языке официоза: совпадение общественных и личных интересов.

Выявились и минусы. Интересно, что у них общий с плюсами источник – та же гордыня. Последствия – конфликты.

Пока он был сам по себе – рядовой работник без подчиненных – все шло спокойно. Сам он мало нарушал, попытка подрыва Полтавы промелькнула без последствий. Унижений от начальства он бы не потерпел, но пока как-то везло, или он поводов не давал. Военная служба хорошо приучает к уставным нормам – отдавать честь старшему, вставать при появлении командира и т. п. Соблюдение их превращается в лишенный униженности ритуал.

Однако в должности начальника, хотя бы и совсем маленького, появились основания для обиды за подчиненных. Конфликт возник из-за дежурств по части, которыми стали перегружать его лабораторию, очевидно, как вспомогательное подразделение.

– Иваныч, все-таки не дело – по три раза в месяц дежурить по части. Другие по разу, – говорил Селезнев.

Подначка действовала, он счел постыдным отмалчиваться.

Новый командир части Соколов – хороший человек. Разумный, демократичный – вместе с офицерами играл в футбол. Колесов тоже его уважал. Пришел к нему с намерением проявить принципиальность, то есть пришел со своим минусом. Выразил возмущение (!?) по поводу частых дежурств:

– Лаборатория работает не только для данной части, но и для других частей округа, и если положение не изменится, я вынужден буду обратиться к вышестоящему руководству.

Колесов стоял, полковник сидел.

– Пошел вон! – вдруг сказал он.

Колесов вышел и сразу же написал жалобу.

Жалоба имела некоторые последствия. Как сказал ему офицер из управления, командиру было указано, но и тон жалобы был признан неподобающим.

Нескоро он понял, что его минус не только прямота, принципиальность но и непрактичность, неумелость. Ему было 25 лет. Конечно, командир схамил, может быть, по причине своей же гордыни. Однако сам он проявил просто глупость. Нужно было поговорить спокойно, без вызова, расписать непомерный объем работ, поплакаться и, может быть, не раз. Во всяком случае, этого хватило бы и для отчета перед подчиненными.

Другие проявляют практичность и умелость почти от рождения.

Эта история имела еще одно последствие. Соколов задержал присвоение ему очередного звания – капитан. Просто не послал документы, хотя по правилам полагалось. Через полгода, когда его товарищи уже стали капитанами, Соколов зашел в лабораторию. Поговорили, старший лейтенант покался в своей горячности (искренне). И вскоре стал капитаном.

Глава 5. Идейная жизнь дала трещину

После смерти Сталина в газетах стали появляться призывы к восстановлению ленинских норм и глухие намеки на их нарушение в недавнем прошлом.

Колесов спрашивал друзей:

– Читал в «Правде»? Что-то странное и непонятное...

– Да, – отвечал Романов, – как-то неприлично получается. Умер человек, при нем молчали, теперь что-то накручивают.

– Ну ладно насчет Берии, беззаконие, расстрелы невинных, а Сталин-то при чем?

В газетах замелькали цитаты из Маркса и Энгельса с отрицанием любого культа личности. Об этом Колесов и раньше знал: по марксизму-ленинизму всё решают классы, а личность может повлиять на ход истории, только если будет действовать в соответствии с объективными законами. Военного лозунга «За Родину! За Сталина!» он не понимал. Не может народ идти на смерть за одного человека. Можно воспринимать это лишь как условный символ.

Прошел 20 съезд партии. Их команда тогда еще была в Крыму. С докладом Хрущева о культе личности Сталина ознакомили на собрании всех офицеров, в том числе беспартийных. Колесов был в отъезде, поэтому по возвращении прочитал внимательно весь секретный доклад.

– Как же теперь жить, во что верить? – спрашивали офицеры замполита.

– В партию надо верить. Все будет нормально, – уверенно наставлял он.

А Колесов был потрясен. Какая трагедия, думал он, сколько измен пережил Сталин, сколько друзей, соратников предало дело революции. Отсюда – подозрительность, недоверие... А дальше перехлесты, поразившие и невинных... Так думал он тогда.

В народе пошел гулять то ли анекдот, то ли быль. После доклада Хрущева будто бы из зала раздался голос:

– А вы куда смотрели?

– Кто сказал? – грозно спросил Хрущев, подождал:

– Молчите? Вот и мы молчали.

С другой стороны, марксизм-ленинизм как бы восстановился в своих правах, Хрущев отменил прежние сомнения Колесова. В прошлом были ошибки, отдельные недостатки, а теперь мы будем жить правильно.

Он стал очень сильно уважать Хрущева, даже восхищаться им. Новый вождь пошел в народ. Друг Игорь Сорокин вместе с ним сфотографировался у озера Рица, где Хрущев подошел к группе отдыхающих. В дедовскую деревню Колесова вождь приехал познакомиться с достижениями передового председателя колхоза, выступил в клубе.

Молотов и другие примкнувшие пытались удалить Хрущева, но получилось наоборот. Ему помог маршал Жуков. Потом Хрущев удалил и его.

После чего в армии прошла кампания против командирских замашек и за укрепление авторитета политорганов. На партийно-комсомольском собрании замполит части Подбересский, худой, неразговорчивый, болезненный, резко критиковал командира части (прежнего, до Соколова).

Это было впервые и очень интересно. Командир части признал свои ошибки.

Подбересский вскоре ушел на пенсию, его заменил Поддубный.

В стране началась перестройка – «оттепель».

Глава 6. Основной инстинкт

С раннего детства и далее всюжизнь его преследовала похоть. Его организм очень хотел продолжения рода. Онмучился желанием так, как мучаются 99 процентов мальчиков (так говорят ученые).Редкие моменты облегчения – ночные выплески семени (поллюции).

В деревне семилетний мальчик подружился сдевочкой, ровесницей. В беседке у ее дома играли в семью: готовили пищу, убирались, ложились спать, он пытался вставить свою затвердевшую пистку в еепистку. Не помнит, было ли семяизвержение? Тогда не знал, что это такое. Но —испытывал удовольствие, утомление. Так что достоверных данных для науки неможет предоставить. Наука же установила, что оргазмоподобные переживанияфиксируются у детей пяти-шести месяцев, а дети трех – четырех лет отчетливо ихиспытывают и начинают задавать первые вопросы про это; дети начинают осознаватьразличия в строении половых органов, «исследуют» их в играх в «папу и маму». К10 годам у мальчиков учащаются эрекции, за несколько лет до наступленияполового созревания многие из них уже испытали чувство оргазма.

В городской коммунальной квартире он предлагал сверстникам такую детскуюигру: девочка ложится на спину, а мы... Его не поняли, игра не состоялась.

Непонятно, как возникло желаниеделать это. Он не видел секса родителей, хотя жили в одной комнате. Не помнил, чтобы видел это где-то еще. Не мог понять, как он этому научился.

Никогда не занимался рукоблудием (онанизмом, мастурбацией). Узнал изсловаря иностранных слов, что это такое извращение, которому предавался некий Онан, и которое у мужчин приводит к импотенции и расстройству психики. Испугался.

Правда, потом он обнаружил разномыслие (плюрализм) среди ученых: одни осуждают рукоблудие, другие оправдывают: мол, больше половины мужчин дровичили в юности, и ничего, сохраняют потенцию и психику.

Книги по сексу появились много лет спустя, читаются с большим удовольствием: «Мастурбация представляет собой суррогатное средство, позволяющее снять или смягчить проявления физиологического дискомфорта, порождаемые биологической потребностью, не находящей адекватного удовлетворения». Несколько неприлично про женщин: если они не мастурбировали в юности, то в три раза чаще страдают отсутствием оргазма.

По поводу пубертатного периода (созревания),которое длится от первого семяизвержения до остановки роста, ученые пишут: «в этом возрасте возникает ряд эмоциональных проблем, таких, как сомнение в правильности своего развития и роста, тревожно-мнительное отношение к собственной внешности, неуверенность в собственном соответствии образцам маскулинности (мужеподобия), возникают идеи о собственной малоценности, непривлекательности. Появляются специфические эротические переживания, фантазии, сновидения».

Все так и было у него. А ученые добавляют, что избежать всех этих мучений удастся лишь немногим здоровым юношам.

Его страдания от непривлекательности усиливались себореей: фурункулами, угреватостью. Мамино наследство.

Хуже того, страшат ученые: в это же время идет неравномерное и несинхронное созревание определенных зон головного мозга, отвечающих за поведение человека, – вплоть до 19—22 лет.

Хорошее оправдание для нервных срывов.

Правда, его миновали крайности – «бунт против всего мира взрослых, группирование со сверстниками (шайки, банды)». Но общее тягостное впечатление осталось. И не только из-за трудностей времени – гибели отца, бедности (которая не осознавалась), школьной скуки, – но и из-за этого.

Успокаивался он на том, чему учили литература, искусство и руководство – всему тому, что воздействовало через радио, газеты, школу. Они же учили гармонии духовного и физического в мужчине и женщине.

Воображение рисовало прекрасную картину. Воспылавшие взаимной любовью муж и жена идут по жизни рука об руку, на равных реализуют себя в работе, на равных делят семейные заботы, красиво любят друг друга – духовно и телесно.

Исходя из этого он определил для себя свою собственную половую мораль. Первое — забота об общем благе народа, для которого семья – главная ячейка. Второе – вера в святость брака (единобрачие, моногамию). То, что принято твоим народом, а не мусульманским или еще каким.

В очередной раз он имел право сказать: всегда я симпатизировал центральным убеждениям. Тут верно именно насчет центральных убеждений, потому что он видел другое в народе и в собственном роду.

Дед по отцу много работал на стороне, говорили, что у него там и женщины были. Может быть, он себя оправдывал тем, что жена была немного сварливой.

Богобоязненный дед по матери подрабатывал в Питере извозчиком. В подслушанном разговоре тетей мелькнуло: «У него в городе женщина была».

Отец женился на его маме, расходился, сходил.

Гордыня (быть не хуже других или лучше) настраивала на неприятие разврата. «Истинный разврат заключается именно в освобождении себя от нравственных отношений к женщине, с которой входишь в физическое общение». Так говорил Наставник.

Пример был очень близок: его собственное рождение – следствие случайной связи. Всю жизнь до женитьбы он подсмеивался над собой: мучаешься от полового голода, отведаешь сладкого и пойдешь по пути отца — долг обяжет.

Итак, он мучился и страдал. Долго, лет 10 лет. Большой срок, тяжелая нервная нагрузка... Страдал не только из-за своих убеждений, но и благодаря заботам партии и правительства. В те времена была полностью ликвидирована проституция. В школах – раздельное обучение. Анти-советчики клеймят за это «преступный режим», и напрасно – во-первых, раздельное обучение существовало при царизме, а во-вторых, еще неизвестно, что лучше. В женщине должна быть тайна, – говорят поэты.

По данным науки, подростком он «должен был пережить романтическую стадию – эротические фантазии на темы литературы и искусства, первую детскую любовь, ощущение уникальности своих переживаний со оттенком безысходности и трагизма, потребность во взаимопонимании, чувство одиночества...» Настырный народ ученые: всё о нем знают, хотя он им ничего не говорил.

Поскольку общения с девочками не было, он прошел эту стадию со всеми отмеченными неприятностями, но только теоретически — по книгам и кино. Самый яркий эпизод – Тито Гобби и Джина Лоллобриджида в кино — оба молодые и красивые, он поет, она слушает:

Скажите, девушки, подружке вашей,
Что я ночей не сплю, о ней мечтая...
Очей прекрасных огонь я божаю,
Скажите, что иного я счастья не желаю...

В те наивные времена русские певцы пели по-русски, известные наизусть слова и мелодия сливались воедино: было понятно, чего так страстно хотел мужчина от первой красавицы мира, которая, в свою очередь, «пророчествовала взгляду неоцененную награду». Романтическое единство эстетического и эротического. Праздник души. Именины сердца.

А первой подростковой любви не было. Пробелв жизни. Может быть, к лучшему? Меньше боли.

В военном вузе, разумеется, тоже не было девушек. Он был лишен контактов с другим полом. Не было их даже в деревне – сверстники рано втянулись в крестьянский труд, жили своей жизнью, младшие товарищи предпочитали чисто мальчишескую компанию.

Такая половая изоляция – не только его судьба. Так жили и близкие товарищи. Постатистике он входил в 20-процентную группу тех, кто не имел половых контактов до брака. А 80 процентов – это большинство... Некоторые одноклассники женились сразу после школы; им повезло – ранняя любовь, полная гармония.

Летом группой в четыре-пять однокурсников ездили на юг, знакомились с девушками – без интима и без последствий, они были иногородние. Преуспевал только Лаухин, старше их на пять лет. Но дело не в возрасте, а в натуре – его обаятельная скабрёзная улыбка, близость к простому народу позволяли прелюбодействовать в первый день знакомства. Так было в Сочи с хозяйкой соседней квартиры. Распалал воображение невинных приятелей:

– У нее такие груди, на них как на волнах качаешься.

Первое длительное знакомство произошло в 19 лет. Дружили несколько месяцев. Подолгу целовались, сначала на лестнице, затем в комнате, когда не было ее матери. Она лежала на диване, он садился рядом, от поцелуев она впадала в полубытьё. Его мучения многократно возросли – после каждой встречи появлялась сильнейшая боль в паху. Причину понял еще раньше на примере Лаухина, который в поезде корчился от боли, объяснил: «пришлось, что борал соседку с соседней полки». Застрявшее семя давит на органы. Сексуальное просвещение на практике.

Тома очень хорошая девушка – умная, спокойная, красивая. Два обстоятельства останавливали от женитьбы: отсутствие выбора (что же, с первого знакомства и жениться; или, по словам юмориста – не торопись отдавать себя, ты еще не все взял от жизни) и отсутствие романтической любви. «Сердцу хочется ласковой песни и хорошей большой любви».

А вот она сказала после месяца разлуки:

– Я так ждала тебя, Валентин.

Он не посягал на соитие. Как-то сделал слабую попытку намекнуть, она промолчала («намек поняла...» или нет?), он тоже. Ислава богу, иначе точно бы женился. В конце концов моральные понятия заставили откровенно сказать:

– Ты мне очень нравишься, Тома, но я не смогу на тебе жениться.

Вскоре они расстались. Потом как-то встретились, прошли от ее дома к мостику на Фонтанке, постояли, посмотрели на воду, на Летний сад, на подступающую белую ночь.

– Хорошие мы с тобой человеки, Валентин, – вдруг негромко сказала она.

Так и застряли в памяти эти щемящие слова. «Майне эрсте Либе», – говорит ему внутренний голос всякий раз, когда оказывается близь ее дома (немцы – сентиментальный народ).

Тетя Нина дала практический совет:

– Если у тебя есть девушка, ты обещаешь на ней жениться...

По смыслу дальше следовало: и прелюбодействуй. Нет, он так не мог – ни по Евангелию, ни по советскому моральному кодексу.

Еще одно знакомство было в хоре. Мила – жизнерадостная хохотунья, умненькая, изящная – решила (насколько он понял) выйти замуж. За него. Неизвестно, был ли он первым в списке, но он не видел ничего предосудительного в ее намерении устроить свою семейную жизнь. Некоторое время с удовольствием встречался с ней, потом опять сказал свое тупое:

– Мила, ты очень хорошая девушка, и я женюсь... (замаялся) когда мне будет под 30.

Были еще совсем короткие знакомства, но – не выпадал жребий на романтическую любовь.

В сексуальном просвещении старший товарищ всегда помогает младшему. Вася Ключин на пять лет старше. После их совместной подготовки к экзамену и его сдачи они выпили и пошли кобелировать. Вася нашел двух баб. Одну, разухабистую, с одутловатой рожей, он увел с собой. Потом рассказал, что трахнул ее прямо на улице, за забором; пожаловался – полы шинели поддували холодный воздух. Итак, старший товарищ Вася ушел с одутловатой женщиной, а ее подруга повезла его на квартиру. В комнате коммуналки разделись и легли на кровать. Она долго отнекивалась, я, мол, не такая, как эта... У него была слабая эрекция, кое-как потыкал несколько раз, эрекция прошла, семя не вышло, лег рядом. Вдруг она забеспокоилась – кровь. Посочувствовал ей, оделся и ушел. Дома обнаружил у себя ранку – разрыв кожицы крайней плоти. То была его кровь! Вот оно – отсутствие сексуального просвещения. Краем уха слышал про обрезание у мусульман и евреев. Библейский бог даже обещал евреям статус избранного народа, если они будут делать поголовное обрезание.

Ранка зарубцевалась, обрезание не потребовалось. Много позже узнал, что такой дефект (фимоза – красивое слово) был у Людовика Шестнадцатого, который по этой причине семь лет не мог зачать наследника; от застенчивости не мог решиться на операцию. Не было у него хорошего товарища – Васи Ключина, да и вообще невезучий был король – кончил на гильотине, соавтором которой сам и был.

А ученые прямо-таки издеваются: «позднее начало половой жизни наблюдается у лиц с более развитым чувством ответственности, исповедующих определенные нравственные ценности, и в то же время трудно общающихся, менее уверенных в себе, более тревожных».

О том, что есть другие люди, способные на все ради секса, он узнал еще в детстве. Страшная история произошла в соседнем доме. Рабочие копались в подвале, пришли к матери, управдому: «Тимофеевна, там вроде бы трупы». Мать вызвала милицию, откопали два детских трупа. Выяснилось, что мать этих детей живет в этом подъезде, потеряла мужа на войне, сожительствовала с мужиком, хотела за него замуж. Он отказался – из-за детей. Тогда она затопила на ночь печку, закрыла заслонку, от угарного газа дети умерли. Она снесла их в подвал и прикопала. Соседям сказала, что дети поехали в Приморский парк отдыха и не вернулись. Она не была сумасшедшей. Очевидно, она очень хотела секса.

Понять эту историю он не может, душа цепенеет от ужаса.

Глава 7. Любовь с первого взгляда

Романтическая любовь разразилась за три дня до Нового 1957 года. В этот день он познакомился со своей женой. Культурно познакомился – в Полтавском театре. Там был такой хороший обычай – танцы после спектакля. Фильтр выбора для культурной публики. Танцевали почти без слов, она склонила голову в смущенной улыбке. «Я помню чудное мгновение, передо мной явилась ты...» Договорились встретиться на следующий день у парка Перемоги (Победы). Она не пришла. Потом уверяла, что приходила и не застала. Он ездил к ее техникуму, но не встретил.

На него снизошла благодать. Романтическая любовь с первого взгляда. «Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты». Действительно, зачем придумывать свои слова, лучше гения не скажешь. Внутренний голос произнес: «На этой девушке я мог бы жениться». Любовь с первого взгляда разъяснил нобелевский лауреат Конрад Лоренц в своей теории релизоров – элементарных раздражителей, т.н. атомов поведения. Это – сигналы, высвобождающие наши эмоции, вызывающие чувство влечения. Форма и цвет глаз, размер ресниц, уголки губ, тембр голоса, спина, пластичность мимики и движений – все эти элементы облика разбиваются на миллионы тончайших релизорных элементов, из которых собирается такое индивидуальное существо, столкнувшись с которым случайным взглядом, вы понимаете, что встретились с вашим дополнением, с вашей второй половиной. Релизоры высвечивают самые лучшие черты в человеке, вынося признаки генной совместимости на поверхность. Природа отработала механизм влечения друг к другу комплиментарных (взаимодополняющих) партнеров на генном уровне, от союза которых рождается здоровый, одаренный ребенок. Совпадение релизоров – любовь с первого взгляда, с биологической точки зрения, самый редкий и в то же время самый эффективный вид любви. Далеко не каждому выпадает такая удача.

В Полтаве всего 300 тысяч жителей, поэтому через 38 дней (3 февраля 1957 года) они встретились, затем он ходил на свидания через день-два. Любовь зла, он стал грешить – нарушать режим, по запретным дням уходил огородами в город. Грешил по известной циничной поговорке: «если нельзя, но очень хочется, то – можно». Перед каждым уходом он учитывал международную обстановку и отсутствие угрозы войны, но тяжесть своих проступков понимал. Так ведь можно и Родину предать.

Комсорг Романов пресек нарушения друга: обличил его прямо на комсомольском собрании. Сослуживцы больше удивились, нежели возмутились – добропорядочный офицер и вдруг такое. Он же убедил себя в том, что Романов поступил совершенно правильно. Хотя после семи лет товарищества мог бы просто сказать другу: хватит, мол. Так и сказано в Евангелии от Матвея, глава 17:10, и этого было бы достаточно. В конце концов Колесов решил, что они оба поступили как настоящие коммунисты – один пристыдил, а другой покался.

Романтическая любовь полностью описана в литературе и искусстве. Собственно говоря, оттуда влюбленные и заимствуют набор нужных слов и манер. У нее были свои образцы – Дина Дурбин, Милица Корюз из «Большого вальса», русские Любовь Орлова, Марина Ладынина, Валентина Серова, музыкальные образы: «И сердце бьется в упоенье...», «Страстью и негою сердце трепещет...»... У него то же самое. Родственные души – классическая музыка, Козловский, Лемешев... Пение в хоре... И плюс время: «пришла пора, она (он) влюбилась».

Как-то при нем она заговорила с подругой. И это была совсем другая речь, заимствованная из повседневного быта и резко диссонирующая с той атмосферой нежности и красоты, в которой они пребывали вдвоем. «Мало общался с женским полом, не знаешь ихней жизни», – успокаивал себя.

Подолгу целовались: на улице и в ее доме в отсутствие матери. Она лежала на диване, он садился рядом, от поцелуев она впадала в забытие. Потом у него – сильнейшие боли в паху.

Любовь делает чудеса. «К чему откладывать, – говорил ему внутренний голос, – вопрос ясен – „лучше девушки я в мире не встречал, у нее глаза синее васильков...“ – да и обратной дороги нет, будет рана на всю жизнь – для обоих».

Через три недели – 23 февраля – он сделал предложение:

– Я люблю тебя и прошу тебя стать моей женой.

Загс назначил положенный испытательный срок – месяц. Жених ходил в гости к теще, встречался с родными и близкими невесты. Теща вдова, муж погиб на войне. Она и дочь живут в одноэтажной хате, половина которой является частной собственностью тещи. Во дворе сарай с курами. Он не выяснял, как и на что они живут. Разговоры с новыми знакомыми уводили его в бытовую повседневность, то есть в сторону от благодати.

И он испытал на себе комплекс Сизифа. То, что это так называется, он узнал много позже. (Проблема выбора всегда была тяжелой для человека. Когда впоследствии Колесов учился философскому минимуму у Кона, тот рассказал притчу о Сизифе, который катал свой камень на гору, камень скатывался, а он снова поднимал его. К Сизифу пришел доброжелатель и предложил другие занятия: стать или моряком, или воином, или мастером и т.п., и расписал прелести всех этих занятий. Ночью они спали, а утром доброжелатель проснулся от шума падающего с горы камня. Сизиф предпочел свой сизифов труд, проблема выбора оказалась для него слишком тяжелой).

А конкретно тогда испугался подступившего приступа отчаяния: «Прав ли я? На что иду? Ошибка!? Но слово уже сказано. Отказаться – значит разбить чужую душу, нежное, почти детское сердце. Подлость! Да и сам себя ты будешь казнить: не отказался ли от своей судьбы, от своего счастья?»

Тут же одумывался: «Что ты паникуешь? С какой стати?..

Он метался: «Нет, слово дано. И самое главное – те первые три недели благодатной, заволаживающей любви стоят того, чтобы связать наши две жизни».

После помолвки, через 42 дня, 6 марта – скромный загс, без Мендельсона. Ему 24 года, ей – 19 лет.

Неравный брак. Когда от загса до дома шли пешком, со стороны донеслось – она красивая, а он нет.

Шумная свадьба в городской столовой на сорок сослуживцев с женами, на второй день – с родственниками во дворе тещино дома. В первую брачную ночь он от усталости и нервов не преодолел девичью плевру (слабая эрекция), только во вторую ночь пролилась кровь. Его сексуального образования уже хватило, чтобы на этом и закончить соитие. Половая жизнь началась через несколько дней, после заживления вагины. (Научил Мопассан – в «Жизни» описан ужас молоденькой невесты в первую ночь: физическая боль во время затянувшегося соития, сразу же заснувший супруг – чужой навсегда).

Получил маленькую комнату в коммунальной квартире, по условиям режима должен жить в военном городке.

В комнате была только железная кровать с сеткой. Об удобствах во дворе уже говорилось.

Половая жизнь была такая. Предохранение простейшее – презервативы. Самое сложное – покупка их в аптеке, он показывает пальцем: «Вот это, пожалуйста, 10 штук». Затем, по мере сексуального просвещения – календарные ритмы между месячными. Почерпнуто из самиздата – руководства, ходившего по рукам образованных людей. Оттуда же – эрогенные зоны, позы – сверху, сзади и, самое главное – эротическая точка возбуждения в верхней части вагины – клитор.

Он постепенно постигал основы сексуальной техники. Случайный знакомый говорил: бабу можно одним пальцем вы... трахать. Насчет поз русские откликнулись анекдотом: «Ты как с женой живешь?» «Да знаешь, все как-то не так: я сверху – ей тяжело, она сверху – мне тяжело, на левом боку – сердцу плохо, на правом – телевизора не видно».

В семейной жизни достигнуты высокие показатели: не было аборта до первых родов, за всю жизнь – всего один аборт. Конечно, и один – плохо, считает он, но за четыре тысячи сеансов можно и промахнуться.

Начальные половые деяния были такими, как у большинства – быстро и однократно. А ученые пишут – так нельзя, для пользы женщины нужно действовать по научным правилам сексуальной техники. Иначе, мол, беда – неудовлетворенность, раздражение, неврозы, разводы... Впрочем, как сообщают ученые, некоторые жены так и живут без оргазмов всю жизнь – или по незнанию, или по природе, или по привычке.

Его первый учитель эротической культуры – Пушкин, в стихотворении которого «Нет, не люблю я буйного разврата...» дан общий принцип сексуальной техники, гармонии духовного и телесного. Основы курса получены из книг, брошюр. Плюс, конечно, практические занятия. Срок обучения – 3—4 года, почти как в вузе.

Осталось не преодоленной однократность сеанса. Издержки сексуального образования. Однако он успокоился, когда узнал, что однократность обусловлена природой человека, его эволюционным развитием, плохим качеством спермы после первого спуска.

Ученые подчас пишут о мужчинах и женщинах как о подопытных кроликах: «Биологической ролью мужчины в акте совокупления является отдача полноценной спермы. А поскольку после первого спуска (эякуляции) в последующей сперме преобладает секрет простаты и других желез, то и сама сперма менее качественна по ряду показателей. Таким образом, мужчина (самец), способный к целой серии эякуляций, в ходе эволюции не представляет ценности, и эта способность не закрепляется в потомстве. Резкое торможение, возникающее у мужчины после эякуляции, препятствует любому сексуальному возбуждению со стороны партнерши. Женщина же, имеющая биологическую роль восприятия спермы, не нуждается в феномене торможения, так как если бы после первого оргазма у нее развилась бы невосприимчивость к повторной сексуальной активности, это уменьшало бы вероятность оплодотворения».

Как всякий человек, Колесов в своей работе допускал ошибки, делал глупости, о которых сожалел – так, слегка, не сильно, – не ошибается тот, кто не работает. Но в семейной жизни глупостей совершалось на порядок больше – по числу и по масштабу.

Первая проявилась перед свадьбой. Романов по праву близкого товарища провел серьезный разговор:

– Знаешь, Валя, есть сведения насчет твоей невесты – она говорит своим подругам, что сомневается, выходить ли ей замуж, что ты ей не очень нравишься. Говорят, что она вообще легкомысленная, учебу забросила...

За последнее он сразу же зацепился – Алла училась хорошо (по ее словам). Дальше он поступил как положено, то есть в меру своего ума, точнее, глупости.

– Как с учебой, Алла, все в порядке? – дошел до того, что попросил показать зачетную книжку. Там – хорошо и отлично. Соврано в одном, значит и другое ложь. Тогда он дополнил глупость – пересказал ей сплетню. Цепочка оказалась короткой. Ее близкая подруга замужем за его сослуживцем – комсоргом части. Подруга попыталась исправить несправедливость, при которой Алла получает более выгодного мужа – с высшим образованием и с большей зарплатой. Информация раскрутилась в обратную сторону, комсорг части страшно негодовал:

– Я же говорил под большим секретом, моя жена в положении, это же удар...

Сплетня подоспела вовремя, в самый пик сомнений и колебаний. И тогда он поддался напору житейской глупости: соврал невесте, что его увольняют из армии по сокращению. Она расстроилась, но объяснила:

– Я же выхожу замуж за человека, а не за офицера.

«На какие же гнусности способен человек, – подумалось ему, – в том числе и я. А еще считаю себя благородным человеком, делающим жизнь с князя Андрея Болконского и революционера Павла Корчагина».

Хорошо хоть опыт понемногу накапливался. Когда через пару лет замполит части начал со ним осторожный разговор – вот, мол, имеются сведения, что ваша жена жалуется подругам на неудачный брак, мужа не любит и т.п., он перебил:

– Товарищ подполковник, я знаю, откуда ветер дует – вам доложил мой сосед по квартире, капитан КГБ, хороший парень, его жена и наплела – по вредности и по зависти...

Замполит и КГБэшник оказались в одной цепочке, понятно, что их долг – заботиться о моральных устоях. На том беседа с замполитом и закончилась – посмеялись и разошлись. Разумеется, с добрым соседом, ленинградцем, он не стал ничего выяснять. Очевидно, его жена, ленинградка, посчитала несправедливым, чтобы какие-то провинциалки более выгодно устраивались в жизни.

Он предполагал построить семейный быт по новому: «Мы наш, мы новый мир построим». В соответствии с генеральной линией партии. Питаться – в столовой. Стирать – в прачечной. Детей – в ясли-сад. И т. д. и т. п.

В то время государство (точнее, лично Хрущев) провело революцию в общепите – отменило официанток, внедрило самообслуживание, открыло много столовых. В военном городке – хорошая столовая, он и жена там питались. Первое время. Потом она предпочла готовить дома – дешевле, к домашнему труду – уборке, стирке – была приучена с детства, мать заставляла, наказывала. С годами она освоила готовку как творческий процесс: украинская кухня, оказавшаяся на пересечении польской, татарской, русской и других, богата своим разнообразием – чисто национальные борщ с салом и холодный борщ, галушки, свежие или кислые щи по-русски (по рецептам его матери), излюбленные блины и котлеты и т. п.

Свить семейное гнездышко – значит обставить его мебелью. Мебель нужно не столько купить, сколько достать. Бегать по магазинам – где и когда появится, записываться в очередь, караулить ее – увлекательный процесс. Так, например, сервант они купили в Киеве – по дороге из Ленинграда в Полтаву, делали пересадку. Процесс растянулся на долгие годы – купленная мебель неоднократно менялась, вроде как бы на лучшую.

Одежда и обувь – важная забота, для женщины – святое дело. Самоуважение, престиж, азарт состязания – быть не хуже других, а еще лучше – быть лучше других. Крики моды, полет фантазии, игра воображения – жизнь бьет ключом.

Правда, еще и деньги нужны. Вступал в свои права экономический союз двух сердец. Деньги с самого начала стали общим достоянием, хранились дома, у жены. Непреклонная воля мужа проявилась лишь в одном – он по-прежнему посылал деньги матери, уменьшив сумму с 500 рублей до 300 (это примерно десятая часть зарплаты). Жена молчала.

Начались экономические кризисы. Ежемесячные, потому что зарплату выдают раз в месяц, и почти каждый месяц денег до получки не хватало. Скучно говорил жене:

– Как-то мы не по средствам живем, каждый месяц я занимаю, для меня мука адская...

Она раздражалась, несколько раз поразила его классическим изречением:

– Ты же видел, какая я.

То есть должен был видеть до женитьбы.

В те времена духовные пастыри – деятели культуры, идеологические наставники – пытались предостеречь народ от тлетворного влияния западного общества потребления и даже изобрели устрашающий термин «вещизм», разрушающий духовный мир человека. В прессе шли дискуссии, в модной пьесе передовой юноша изрубил саблей новенький мебельный гарнитур, но народ хотел всё более и более удовлетворять свои постоянно растущие потребности. Которые, как известно, всегда превышают его возможности. Возникают противоречия, конфликты.

Так вслед за экономическими кризисами начались семейные скандалы. Им способствовали обоюдное родство душ: повышенная эмоциональность, раздражительность, нетерпимость, в общем, вздорность характеров.

Из-за ссор прерывались половые контакты. Страдания, нервы. «Тебе больше ничего не надо, кроме этого».

Он совершал удивительные глупости: сам потом удивлялся своим деяниям. Чувства, эмоции. «И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет».

Вскоре Алла бросила техникум. Очередной сокрушительный удар по идее «рука об руку по жизни». Да и сама себя обрекла в дальнейшем на случайные второстепенные, дешевые работы.

Пока же она не работала. Приезжавшая в Полтаву его мать нашла для нее только работу на мясокомбинате – ощипывать кур. Для жены офицера не годится.

В свои 19 лет Алла еще не всё взяла от жизни. Вместе с подругой, соседкой, вдовой погибшего летчика, она ходила на танцы в офицерский клуб. (Лейтенант, с которым она как-то танцевала, на другой день погиб на разбившемся самолете).

Развлекалась на дворянский манер – без мужа, он как-то уклонился. И смирялся. «Пусть все идет как идет. Перетерпеть то, что не могу изменить».

Перед его глазами мелькнул показательный пример семейной жизни, точнее, ее неудачной попытки. Еще в Крыму с ним подружился Андрей Гришин, основательный, домовитый, добродушно подшучивающий – над собой, над другом и приятелями. Они сошлись – по близости характеров. Гришин закончил военно-морское инженерное училище – Дзержинку, ту, что в здании Адмиралтейства. Москвич провел в казарме пять лет, постоянно гостевал в семье генерала, товарища его отца. Генерал с женой и дочкой, ровесницей Гришина, живут в прекрасной квартире на Суворовском проспекте. Очевидно, всё клонилось к морганатическому браку. И вдруг Гришин, человек серьезный, солидный, встречает в Москве милую девушку и в одночасье женится на ней. *Любовь товарища схватила своей мозолистой рукой*. В семье генерала шок. Гришин привозит молодую жену в Полтаву, получает комнату двенадцать метров в двухкомнатной квартире, по соседству с Ремом Тусеевым. Родители жены помогли приобрести мебель. Мебель хорошая, еле влезла в комнату, пришлось на одно окно поставить шкаф. Милая девушка очень начитанная, но, очевидно, еще не всё прочитала. Когда Гришин приезжал с работы, она продолжала читать. В отличие от друга Гришин не планировал пользоваться столовой. И прачечной. И в отличие от друга не предохранялся. Начались семейные сложности. Короче говоря, Гришин отвозит беременную жену обратно в Москву и женится на дочке генерала, оправившейся от шока.

Однако теперь в шоке оказались товарищи Гришина по комсомолу. На комсомольском собрании Рем и другие осудили безнравственность обывателя и мещанина Гришина, потребовали исключения из комсомола. До этого не дошло, вскоре Гришин перебрался на службу в Ленинград.

Позднее они встречались в Ленинграде. Жена Гришина высокомерно отозвалась об Алле, приезжей из провинции: «небось всю квартиру забила коврами и хрусталем». Он оборвал все контакты.

Насчет семьи у него тоже иногда возникал вопрос: быть или не быть? Неоднократно принимал окончательное решение. И каждый раз его останавливало воспоминание о первоначальном трехнедельном экстазе, когда он был не самим собой, а был юношей Ромео, и уже не мог никому отдать свою первую любовь. Он очень любил не только ее душу, но и тело. Их тела стали едины. Мысль о том, что ее телом будет обладать другой, приводила его в оцепенение: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.

Склонность к самокопанию подвела его к дурной мысли: «Не довлеет ли надо мною комплекс, придуманный злодеем Яго для Отелло? Ведь Яго подsunул ему остроумную версию – коль скоро Дездемона полюбила негра, то это значит, что в ее натуре есть нечто извращенное, и такая натура, мол, вполне способна к измене. И вообще, может, она полюбила его за высо-

кую генеральскую должность. «Отелло рассвирепело и убило Дездемону» (цитата из школьных сочинений). Или еще из молодежной песни:

Однажды с ней беда случилась
Ее платок куда-то сплыл
Отелло вспыльчивый был малый
Ее в два счета придушил.

Насчет придушил это, конечно, несерьезно. Но дурная мысль гуляла в голове: зачастую недоуменно смотрел на свое фото: туповатое лицо, попорченное прыщами. Как к нему относятся женщины? Мало было опыта общения, тем более близкого. С одной стороны, не надо такого опыта, а с другой – чёрт те что получается...

Много лет до женитьбы и после он не понимал этого мира мужчин и женщин – как они живут в семье и вне ее, что считают нормой, а что нарушением. На словах молодые люди влюбляются и женятся, муж и жена живут друг с другом, а связь с другими осуждается как измена. На деле люди постоянно допускают отклонения. Так было и в его роду.

Появлялось такое подозрение – в целом люди принимают некие нормы, но ради удовольствия считают возможным их немного нарушать. На втором году женитьбы Колесов был в командировке в Гродно. С двумя офицерами – товарищем по службе Одинцовым и его московским другом – сходили на речку, на обратном пути зашли в деревенский дом, попросили девушку дать молока. Они договорились встретиться вечером с ней и с ее подругами. (Жена москвича была в отъезде). Когда Колесов сказал, что вечером не пойдет, они искренне удивились:

– Ты что, думаешь, что это измена жене? Измена – это если ты разводишься, а тут никакой измены нет.

Так рассуждали люди его круга, образованные, интеллигентные. Он не спорил, остался при своем.

На третий год замужества он надумал работу для жены – родить и растить ребенка.

– Надо продолжить род, – объявил он жене.

Она не возразила.

Торжественное деяние состоялось в день рождения главы семьи. Впервые слился воедино священный союз трех основных инстинктов – телесного, духовного и продолжения рода. Красота полового деяния обрела свой высочайший смысл. Их тела, созданные Природой, прекрасны – небесные черты лица, божественные груди, гениталии, изящные линии бедер; прекрасно их соитие в томлении нежных объятий, любовных слов, мимолетных видений. Желание любви нарастает, и вот мужское тело в упоении проникает в женское. Ласковые, нежные движения постепенно учащаются, переходят в бурные животные движения, давление подскакивает до 200 мм ртутного столба, в голове мелькает острый всплеск, внизу – сладостный выплеск. Чудное мгновение, блаженство, освобождение. Исступленный, иногда пугающий оргазм жены. Звучит дуэт из «Чио-Чио-сан».

Священная нравственная обязанность исполнена, пройдена ступень поднятия к Природе, решен основной вопрос жизни и смерти. (Так сказал мыслитель).

Красота спасет мир. (Так сказал другой мыслитель; красиво, но непонятно). Но если сказано ПРО ЭТО – то, может быть, действительно спасет.

Сын родился в октябре 1960 года. Получилось так, что семейные планы разошлись с планами государства. Зимой он зачал сына, а весной Хрущев объявил о сокращении армии.

Добропорядочная жизнь вознаграждается. Хотя бы отчасти. У них родился здоровенький ребенок. Они не могут похвастать широтой натуры – не портили свою наследственность

вредными привычками – алкоголем, табаком, наркотиками, абортами. Их предки – из ленинградских деревень, из незагрязненной Полтавы.

Сын хорошо спал, больше года питался материнским молоком. Папа угадал – рожать нужно осенью. Именно случайно угадал, так как наука вывела это правило позднее: родившиеся в сентябре – ноябре заметно сильнее других детей и в среднем живут дольше остальных; основная причина – основная часть беременности приходится на период созревания овощей и фруктов. Более благоприятны погодные условия, позволяющие избежать простудных заболеваний.

Службе конец. Его товарищи не тяготились своей армейской службой. Деньги есть, жилье есть, впереди, к 50 годам, светила хорошая пенсия, больше гражданской в три-четыре раза. Он в то время о пенсии не задумывался.

Попади он в военный НИИ, как некоторые однокурсники, не мучался бы сомнениями. Но – не повезло.

Он и друг Игорь частенько вспоминают актерскую находку Борисова – Счастливецова в «Лесе»: сначала полная фраза: «а не удавиться ли мне», потом бормотанье, потом только мелодия. Годится на многие случаи жизни. Так и у него вертелось в голове: только творческий труд, только это самое главное в жизни. Завертелось впервые в 17 лет, на переходе трамвайной линии у Суворовского проспекта. Момент истины.

В лаборатории творческий поиск сменился застоєм: все методы освоены, изобретать нечего, работы мало. Внутренний голос забеспокоился насчет общего блага. Обращение к руководству типа «загрузите работой», естественно, не рассматривалось как явно фантастическое. Такова армейская селяви.

Так и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова...

Жизнь, которая дается один раз. Преследующий с детства ужас не отпускал, иногда хватал за душу и сжимал сердце: растак и разetak, еще же и помирать надо.

На пятый год службы он твердо решил: из армии уйду. Пять лет службы за пять лет учебы – достаточно. На гражданке отрабатывают только три года обязательности. О принятом тогда решении никогда не сожалел. Как говорится, искал приключений на свою попу (и нашел их). Немного рисуясь, он говорит: «Намеренно лишил себя ранней и высокой пенсии, чтобы остаться активным, поджарым и энергичным в том возрасте, когда у моих армейских товарищей наметилось благодушие и размягчение».

Ему повезло теперь уже на уровне всемирной истории. В 1960 году Хрущев решил значительно сократить армию – в целях упрочения мирного сосуществования, ну, и естественно, для улучшения жизни народа. Сокращать можно было еще больше – ядерного оружия хватало для сдерживания.

Понятно, что на атомные части сокращение не распространялось. Здесь разрешалось уволить только нерадивых и больных. По этому пути и пошли те, кем овладела охота к перемене мест.

Первопроходцем стал один из офицеров части. Он очень серьезно отнесся к делу: изучил медицинскую литературу, выбрал направление – психическая неполноценность, вошел в хороший контакт с врачом части, по его направлению попал в окружной госпиталь. Одна из его медицинских находок просто великолепна. Он нашел напарника, вдвоем они изображали (симулировали) многосуточную бессонницу. Пока один спал, другой сидел рядом и разговаривал с лежащим. Потом они менялись местами. В результате добились своего – из армии их уволили.

Колесов не решился на столь серьезный подход и ограничился проявлением недостатков своего характера – вспыльчивости, невыдержанности. Стал дерзить по поводу и без повода. Для подтверждения твердости своих намерений отпустил бороду. В то время борода у офицера была редкостью и даже вызовом. Когда в часть приехал прославленный маршал Чуйков,

командующий округом, он со своей нестриженной бородой был дежурным по части. Не собирався дерзить герою войны, просто доложил бы по уставу: «За время дежурства никаких происшествий не произошло». Командир части Соколов только перед самым приездом маршала заметил его и быстро принял решение – заменить.

Колесов решил поссориться с майором КГБ. Не сдерживая себя, он громогласно разъярял ему решения партии, прозрачно намекая на аморальность вербовки сексотов для слежки друг за другом:

– Вы действуете неправильно, собирая непроверенные сплетни и слухи... Прежде всего партийные и комсомольские организации обязаны воспитывать и повышать бдительность... Партия осудила бериевских последышей, которые ставят себя вне и выше партии и общества.

Мрачный КГБ-бешник вяло отбрыкивался:

– В органах таких людей давно нет....

Колесов был доволен: хорошо поругались, это тоже пойдет мне в копилку.

Комсомольский секретарь недовольно отозвался о выкрутасах Колесова и добавил:

– А почему он в партию не вступает?

Сам он и другие офицеры недавно вступили в партию, в том числе Тусеев и Романов. В принципе он тоже был «за», но понимал, что в этом случае ему из армии не уйти.

Припомнил свои предыдущие нервные срывы, хотя и приучался сдерживаться внешне, но физиология срывов оставалась прежней. Об этих симптомах рассказывал врачу части и потом в госпитале.

Самым значительным эпизодом стало столкновение с капитаном из штаба части. Зануда и замухрышка сделал какое-то обидное замечание во время его дежурства по части. Он тут же впал в истерику (позволил себе впасть). Кричал на зануду несколько минут подряд, почувствовал дрожь в руках. Зануда вышел из комнаты. Он пошел за ним по коридору и продолжал кричать. Зануда вяло огрызался. Колесов почувствовал необходимость в решительном, окончательном действии – ударить его. И уже угрожал избить. Зануда замолчал, испугался. А он не смог ударить (интеллигент?).

Позднее командир части сказал по поводу «возмутительного факта»:

– Еще немного, и пришлось бы сразу двоих из армии увольнять.

Эпизод стал легендой, товарищи вспоминают о нем с удовольствием.

Хорошо помог врач части: направил его в окружной госпиталь, написал подходящую медицинскую характеристику, по которой Колесов стал немножко идиотом.

Летом Алла предложила:

– Давай переедем к матери, там с ребенком будет лучше, да и мама поможет.

Он уже был уверен, что уйдет из армии, согласился. Теща – человек из простого народа. Он сам оттуда, отношения были хорошие. Только иногда спрашивал Аллу:

– А на что она живет?

– Да много ли ей надо, пенсия небольшая есть.

Теща целые дни проводит на базаре. Вечером возится в курятнике. Вопрос прояснился: она покупает на базаре живых цыплят, откармливает и продает.

– Да это же спекуляция! – возмутился зять, – это надо прекратить.

Заспорили, не договорились. У тещи твердый характер, ее промысел уже много лет приносит хороший доход. В споре она напомнила зятю о его грехе:

– Ты женосишь спирт с работы.

Он перестал разговаривать с тещей. Помощи от нее тоже практически не было.

Лишь много лет спустя он осознал свою ошибку. Спекуляции не было, был производственный процесс: откорм цыплят до взрослых кур и обработка продукта. Малый бизнес. Без регистрации и налогов, ну да это нарушение несерьезное.

Алла рассказывала:

– Мама говорит, что если бы сейчас были такие порядки, как до революции, она бы большое свое дело развернула.

Осенью он поехал в Винницу, в госпиталь на обследование. Там вел себя нормально, ничего не изобретал, жаловался на неудержимую вспыльчивость, на пережитую блокаду, намекал на вредные для нервов специфические условия работы. Об атомных бомбах не говорил, нельзя, но врачи могли догадываться.

В декабре 1960 года был уволен из армии по болезни и в связи с сокращением. Последнее давало надежду на главную льготу – предоставление жилья.

Диагноз по медицинской справке – психопатия с эмоционально-волевой неустойчивостью в фазе декомпенсации.

Мелкий факт, случившийся при отъезде, подтолкнул к осознанию своего нового положения, а именно – положения человека, выпавшего из люльки и отвечающего теперь лично за всё обустройство своей жизни: работу, жилище и всё прочее. Перед отъездом отправлял мебель контейнером. Солдаты вынесли мебель на улицу. Машина запаздывала. Он звонил, обещали прислать. Время шло, отправка могла сорваться. Не такая уж и большая беда была бы, но его вдруг охватило острое чувство отчаяния, до комка в горле и подступивших слез. Отрезанный ломоть, которому можно отказать в помощи... Машина пришла, злого умысла не было, обычный беспорядок.

В последний день 1960 года на двадцать восьмом году жизни с женой и двухмесячным сыном он приехал домой, в Ленинград. Новый год встретил с родственниками. Вышел на прогулку с сыном в коляске, остановился у витрины на родном Суворовском проспекте и вдруг радостно осознал: «Вот оно, свершилось, я дома и навсегда».

Глава 8. Суд – сын против матери. Позор!

Самое главное, что нужно было решать в первую очередь: это проблема с жильем. Еще за полгода до увольнения из армии Колесов сказал матери:

– По закону мне должны дать жилье. Вот не знаю, если пропишусь с женой и ребенком у тебя, не скажут ли, что на вас двадцати восьми метров достаточно? И ничего не дадут?

– Я обменяюсь на меньшую площадь.

Она переехала в девятнадцатиметровую комнату, с окнами во двор, но без уличного шума и с ванной.

Он пошел в жилищный отдел узнать, как получить жилье.

– А сколько у вас метров, – спросила инспекторша, – девятнадцать? На четверых? Так вам больше ничего не положено. Норма для получения жилья – 3,5 квадратных метра на человека, у вас больше.

Жестокая, страшная правда потрясла его. Он понял Хрущева так, как слышал: тот обещал дать жилье всем увольняемым из армии.

– И что же делать? – спросил он инспекторшу, – рожать еще? А сколько ждать?

– Еще? Посчитаем. Нет, все равно еще лишних полтора метра будет. А ждать – сейчас получают те, кто десять лет назад встал на очередь.

– А жилищный кооператив? Это возможно?

– Там норма четыре с половиной метра. Так что и туда пока не примут.

Выйдя, размышлял: «Экую же глупость я сотворил! Имел право ехать в любой город, например, в Москву, там у меня площади нет... Теперь получается, что обмен на меньшую комнату был просто наивной глупостью, уж если меняться, так надо было на четырнадцать и меньше. Что ж, незнание закона не освобождает от глупости».

Потом он понял, что хотя бы не успел сделать самую большую глупость: прописаться к матери. А по правилам обязан прописаться туда, откуда выехал.

Мать пошла посоветовалась с юристом – судьей, хорошей знакомой в бытность ее работы управдомом.

Судья подсказала решение. По ее совету родилось замечательное дело, которым он гордится и всем рассказывает. Действительно, редкий гражданин может похвастаться тем, что он судился со своей собственной мамой. А он хвастает – подал в суд иск на мать с требованием прописать его с женой и ребенком в ее комнату. Он был истцом, а мать ответчиком. Ужасающая картина суда: мать плачущим голосом перечисляет свои болезни, просит отказать в иске сыну. С предыдущего дела на этом заседании задержалась прокурорша, которая стала стыдить сына за нехорошее отношение к родной матери. Он, мать и судья молчали. В иске судья отказала на основании какого-то давнего, довоенного постановления, до которого могла докопаться только она.

Далее он оформил временную прописку, без права на площадь, у своей тети (коки), к тому же еще и больной туберкулезом. Только после этого подал заявление о предоставлении жилья по льготе для уволенного из армии. Нормальные герои всегда идут в обход.

Следующее потрясение состоялось в районной администрации – отказали без всяких объяснений. Подумав, он решил не жаловаться выше, а добиваться на месте – принятыми при советском строе способами. Он и жена взяли на руки пятимесячного ребенка, вошли прямо в кабинет председателя исполкома, мимо протестующей секретарши, положили ребенка на стол. Папа говорил о правах, о законе, председатель не мог его слышать, потому что во весь голос кричала жена, а на столе орал ребенок. Семейное трио. Председатель лениво отнекивался, мол, решаю не я, а комиссия. Вошел его заместитель Носиков, мельком посмотрел на документы:

– Мы повторно рассмотрим.

Через неделю он сидел в приемной, ожидал вызова на комиссию. Из кабинета высунулась секретарша, сказала:

– Ваша просьба удовлетворена, следующий.

О жизнь!

«А жизнь, – размышлял обучающийся жизни Колесов, – снова и снова подтверждает закон неопределенности (энтропии). Никакой энергии простого гражданина не хватит для того, чтобы разобраться в обилии законов и постановлений, да и не каждому юристу это дано. С другой стороны, у районной власти тоже не хватило энергии проверить и убедиться, что я с семьей фактически живет в комнате матери и пудрю ей, власти, мозги».

Вскоре их благодетель Носиков стал главным строительным начальником Ленинграда и области – секретарем обкома партии по строительству. Повезло им на хорошего человека. Случайность.

Через полгода получили однокомнатную квартиру на окраине города, в «хрущобе» – комната 16 квадратных метров, кухня 6 метров, 4-ый этаж в пятиэтажке, без балкона, толщина наружной стены 19 сантиметров, между квартирами 4. Дополнительные удобства – нет лифта. То есть – нет шума, опасности застрять или быть ограбленным. Нет мусоропровода – значит, нет дурного запаха и корма для крыс. Вид на большой зеленый двор. Под домом не громыкает транспорт. Жить в большом городе, но не в каменных джунглях, а почти на природе – вот она, осуществленная мечта.

В общем, счастье без границ. Первый концерт Чайковского.

Но, конечно, не без издержек. До транспорта минут пятнадцать пешком, до работы час. В те времена здесь не было метро, появилось через несколько лет.

Впоследствии его посетило жилищное озарение: понял вдруг, что однокомнатная квартира сама по себе есть особое преимущество – равноценна двум комнатам в коммуналках. Если использовать часть комнаты матери, то можно выменяться на двухкомнатную квартиру для троих и комнату поменьше для матери. Он изобрел алгоритм, мать пожертвовала частью комнаты (для любимого внука), жена реализовала идею практически. Как раз тогда же им поставили телефон – после многолетней очереди. Алла не работала, проявила максимум энергии и организовала обмен, в котором одновременно участвовало семь (!) сторон.

– Как вы нашли друг друга? – удивились в бюро обмена.

Так получили бесплатно двухкомнатную квартиру в хрущевке. Мать поселилась в 12-метровой комнате. Сын утешал свою совесть тем, что на них троих приходилось тоже немного – по 10 метров на человека.

27 лет он прожил в коммуналках. Не испытавшим этого трудно понять, как можно жить вместе с чужими, зачастую неприятными, невыносимыми людьми. Что бы не говорили, как бы не издевались над Хрущевым, над унылыми пятиэтажками массовой застройки, за жилье он благодарен ему, как говорится, по гроб жизни. Благодарен за полученное право быть хозяином на кухне, в ванне и на унитазе. Без хрущевского личного нажима ничего бы не вышло – ему пришлось преодолевать пассивность архитекторов, лично вникать в проекты, выбирать типы материалов и конструкций, пригодных для поточного производства. Низкие потолки? Два семьдесят его вполне устраивают. Тонкие стены, да, беспокоят.

В первый же год по приезду Алла устроилась на работу – в конструкторский сектор того же НИИ, где он работал. Хорошая работа – чертежные и оформительские дела, на такое место, как правило, устраиваются по знакомству. Так и было: он попросил товарища по работе, тот – начальство. Сработало. Сына устроили в ясли, по тем временам большое везение. Теперь Алла с утра водила его в ясли – 15 минут до остановки, минут 5 на автобусе и почти час до работы, с пересадкой. Столько же вечером. Напряженная нагрузка. К тому же в яслях сын не отпускал маму, орал так, как будто с жизнью прощался.

Большинство жили так же. Так было и в его детстве – ясли с года-двух, но матери хватало получаса пешком, всё было рядом. Им же, молодым, не хватило разума и терпения – поискать работу поближе к дому, рядом два больших завода. Первый год он получал армейскую надбавку, можно было подождать, не спешить.

В результате Алла заработала сердечную недостаточность. С опозданием, но сделали выводы – нашли ясли и работу поближе.

Глава 9. Крылатые ракеты «Аметист» – грандиозный проект

Он недолго выбирал место работы. Предпочтение сразу отдал оборонке – больше платят. А раз так, то и выбирать просто – все равно нет информации. Толкнулся в два места – не подошло. Пошел в научно-исследовательский институт недалеко от дома на должность инженера с окладом 120 рублей. Так начинают выпускники вузов. «Инженер на 120 рэ» – символический образ технического интеллигента в лексиконе юмористов. С премиями получалось сорок процентов от армейского уровня. Первый год смягчался надбавкой за армейское звание – дополнительно двадцать процентов.

До устройства на работу нужно еще было отбиться от пенсии. Оказалось, что уволенный из армии по болезни должен пройти медицинскую комиссию – для определения инвалидности и назначения пенсии. Разумеется, он не мог оставить на себе клеймо психа и теперь уже доказывал обратное – здоров, нормален, только, мол, для армии негоден. После нескольких врачей вышел на того, кто сказал:

– Ладно, принимаю мужское решение – здоров, пенсия не положена.

Приступил к работе. Первый месяц провел в отделе снабжения: снова через КГБ оформляли допуск к секретной работе. Можно было запросить допуск из армии, но, во-первых, это было бы не быстрее, а во-вторых, могли всплыть ненужные подробности.

И опять вездесущий КГБ не раскопал ни отсидки отца, ни спекулянтства матери, ни его собственных армейских шалостей.

В отделе снабжения состоялось первое знакомство с советской экономикой. Весь день снабженцы выясняют по телефонам у своих коллег из других предприятий наличие нужных материалов и изделий, а те в ответ сообщают о своих потребностях. Затем стороны договаривались об обмене. Но зачастую шла простая передача, уступка без обмена, в расчете на будущую взаимовыручку. Конечно, нужного в данный момент для производства не отдавали, но запасом делились без оглядки.

Он ездил по городу по этим делам. Три раза выезжал в другие города. Первый раз – в Ереван. За три дня познакомился с городом и даже съездил на Севан. По его просьбе завод ускорил изготовление приборов, он вывез их багажом в самолете.

Отлично проявил себя на поездке в Воронеж. Добрался до места утренним самолетом, на заводе за пару часов получил нужное, попросил машину до аэропорта и вылетел обратно. На следующее утро начальник отдела снабжения, столкнувшись с ним на проходной, недовольно спросил:

– А что ж вы не поехали?

– Я уже вернулся, – ответил нарочито буднично, для усиления эффекта.

Третья поездка в Куйбышев (Самару) оказалась весьма поучительной. Завод должен поставить институту сверхточные подшипники. Заказ на них прошел через министерства и Госснаб, заключен договор. Он приехал на завод после окончания квартала, там как раз праздновали успешное выполнение плана. Но нужных подшипников не было. Он размахивал письмом об исключительной значимости для обороны государства работы, остановленной из-за отсутствия подшипников, ничего не помогало. Сходил в обком партии, обещали помочь. Но на заводе продолжался банкет. Разгадка была проста – завод выполнил план по укрупненной номенклатуре, вместо этих сделал другие подшипники, может быть, такие, в которых никто срочно и не нуждался. Можно было проявить побольше настойчивости, результат было трудно предсказать. Но в это время решался его квартирный вопрос, и он уехал. Претензий к нему не было.

Через месяц выдали допуск по форме два – «совершенно секретно», потом еще более ответственную – «совершенно секретно особой важности».

И он приступил к работе в НИИ-49, которому впоследствии дали имя «Гранит».

Он вошел в храм науки – научно-исследовательский институт министерства судостроения, разрабатывающий системы управления для военных кораблей. Сбылась мечта – заниматься творческим трудом, научное определение которого выучено еще в юности: творческий труд включает в себя поиск новых алгоритмов операций, применение нестандартных решений, различные виды проектирования и экспериментирования, применение теоретических знаний в практической деятельности, смену видов работы в пределах своей специальности.

Еще в вузе и армии у него сформировалось особо уважительное отношение к главным конструкторам – создателям новой техники. В армии с почтением взирал на заглавные листы технической документации с фамилиями главных конструкторов – жрецов науки и техники. В память врезался Харитон.

На работу принимал как раз главный конструктор, его канцелярская внешность несколько разочаровала. Однако при ознакомлении с системой, возник волнующий подъем – от возникшей причастности к большому делу.

Это был величественный (грандиозный) проект. На подводной лодке устанавливаются крылатые ракеты «Аметист». Лодка находит противника с помощью акустической системы и стреляет в него ракетами. Ракета выскакивает из-под воды и на малой высоте – 50 метров – летит на цель. Затем включается радиолокационная головка самонаведения, которая своим лучом рыскает перед собой, находит цель и наводит на нее ракету.

Несколько тысяч человек участвовало в реализации проекта. Генеральный конструктор Челомей возглавлял весь проект и создавал саму ракету. Крылатая ракета – некий аналог самолета, крылья управляют ее движением. Американцы в то время не делали таких ракет, только баллистические. Последние управляются только на старте, например, тремя ступенями и далее летят по расчетной траектории. Челомей был один из трех самых главных ракетчиков в стране. Еще были Янгель (межконтинентальные баллистические ракеты) и Королев (космос). Конкуренты шутили: «Кто на кого работает? Янгель – на нас, Королев – на ТАСС, а Челомей – на унитаз».

В парке Победы на аллее лучших людей Ленинграда стоит бюст Исанина – главного конструктора кораблей, в том числе тех атомных подводных лодок, на которые устанавливаются крылатые ракеты.

Институт делает аппаратуру управления для ракеты и для подводной лодки. Здесь работают пять тысяч человек. Специализированные отделы разрабатывают радиоголовку, автопилот, корабельную аппаратуру, блоки питания, привода и др. Математики рассчитывают параметры системы и моделируют ее на вычислительной машине.

Он оказался в комплексной лаборатории, которая сама никаких конкретных устройств не проектирует, а ведет разработку всей системы в целом: стыковку автопилота и радиоголовки, согласование с ракетчиками и корабелями.

Его задача: быть разработчиком-универсалом. С одной стороны, высокая ответственность и обязанность знать всё, с другой – расплывчатость прав и той же ответственности – легко превратиться в непрофессионального верхогляда. По известной формуле: универсал знает ничего обо всем, в то время как специалист знает всё о ничем.

Он попал в группу из шести помощников главного конструктора. Его непосредственным начальником стал Саша Коршунов, ведущий инженер, приятный, доброжелательный, его сверстник. Саша занял такое место при главном конструкторе, которое позволяло ему постоянно закреплять представление о себе, как о грамотном специалисте, способном к основательным суждениям и не склонном к крайностям и рискам. Не проявлял инициативы, но и не отказывался от работы. Работы получалось немного, и это Сашу не беспокоило. Рабочее время

уходило большей частью на некоторые обсуждения в очень широком диапазоне – от конкретных проектных вопросов до положения в отделе, институте, в стране и в мире.

Впрочем, в курилках много говорили на технические темы. Он с ужасом обнаружил, что вообще ничего не понимает. Не знает многих исходных понятий, как потом выяснилось, достаточно простых, отчего для него становилась непонятной вся картина. Так, например, неведомый ему «тангаж» оказался углом наклона ракеты вверх-вниз, а таких загадок было немало. Несколько месяцев он вникал в тематику.

Работы было мало – в других подразделениях шла разработка схем и конструкций, стыковку которых на бумаге провели раньше, поэтому их группа работала эпизодически. Сам главный конструктор в детали не вникал, на совещаниях бывал редко.

Через несколько месяцев предстояли испытания системы в целом. Колесов взялся за составление комплексной инструкции. Именно взялся, никто ему это не поручал. Изучив всю документацию по всем частям системы, он построил проверку как имитацию процесса запуска и полета ракеты. И через месяц положил на стол руководству пухлый том. На лице добрейшего и тишайшего заместителя начальника лаборатории отразилось смущение. Оказалось, новичок поставил сразу два эксперимента. Первый – единолично выполнил работу целой лаборатории, запланированную на два квартала (чудеса планирования в НИИ он освоил позднее). Второй – прихватил функции других подразделений, описал за них порядок контроля их устройств.

– Надо переделать, – сказал заместитель, – исключить автономные проверки, это дело спецов по радиоголовке и автопилоту. Оставить только проверку их стыковки.

Он так и сделал.

В первые месяцы иногда появлялось желание сменить работу: нет роста – ни профессионального, ни материального. Однако после первого года работы по инициативе Коршунова его повысили до старшего инженера с окладом 140 рублей. Вместе с премиями он вышел на семьдесят процентов от армейского оклада.

Тогда же началась настоящая работа для помощников главного конструктора – комплексников. Аппаратуру изготовили, установили в стендовом зале института, начались комплексные испытания.

Весь внушительный набор десятков устройств был впервые соединен вместе. Хотя каждое устройство было проверено автономно, в системе обнаружилось много ошибок и сбоев.

Ни один из специалистов не признает вины за собой: в моем устройстве все в порядке. В игру вступает комплексник. (Что наша жизнь? Игра). Он играет против всех: против специалистов с их ошибками в схемах, против изготовителей неисправных комплектующих изделий, против ошибающихся сборщиков и монтажников, наконец, против своих партнеров по группе, напутавших ранее на стыках системы.

Очень непростая игра. В системе задана последовательность действий – что за чем исполняется, на какие действия наложены запреты, при каких условиях и т. п. В каждой цепочке логических действий выполняются десятки шагов, а самих цепочек – сотни. По характеру сбоя системы нужно определить причину и место: куда, в какие устройства следует лезть и что нужно делать – вносить изменения в схемы или заменить неисправную деталь. И указать пальцем конкретному специалисту на сбой в его устройстве.

И как во всякой игре испытать радость удачи – сбой системы преодолен. Выходим на следующий. Самая большая радость, когда госпожа удача вывезет на главный выигрыш: как в шахматах на мат, в картах на «сорвать банк», так здесь на финиш – попадание ракеты в цель. Пока на имитации.

Первый и главный игрок в этой игре – комплексник Валя Афанасьев, имевший опыт такой работы на предыдущих проектах. Хороший парень, тоже его сверстник, у которого можно перенимать приемы работы. Например, один из них весьма прост: рисуются сквозные

электрические цепи, проходящие по всем приборам, на них указываются ответвления на другие цепи. Конечно, перенимать приемы легче, чем изобретать самому. Пригодилось и его собственная работа по комплексной инструкции.

Работа шла напряженно, в две смены, со временем он стал подменять Афанасьева по сменам. Главными толкателями работы естественно становились комплексники. В Афанасьеве поражала его способность разобраться в паутине системных цепей и находить нужные решения. Но впоследствии и он стал решать такие же задачи, поначалу не так быстро и с большим напряжением, но все-таки решать. Со временем в памяти закрепилась логика действий системы, накапливался опыт.

Он скромно оценивал свои способности, особенно в сравнении с талантом, каковой он безоговорочно признавал за Афанасьевым. Здесь интересно сравнение с Коршуновым, который постепенно стухал и от этой работы отошел. В способностях и знаниях он, очевидно, не уступал Афанасьеву (ну, может, немного). Но не было у него игрового азарта. Таким азартом игрока в полной мере обладал Афанасьев. Способности и воля – они взаимно подталкивают друг друга. (К сожалению, впоследствии азарт игрока подвел Афанасьева, его сломало сопутствующее: карты, женщины и особенно водка).

Колесову очень нравилась эта игра, он называл ее творческой работой в имя общего блага. Его старая идея фикс.

В стендовый зал пришел директор НИИ Чарин. Вероятно, срывались сроки: он орал на руководителей проекта минут двадцать подряд. Это очень долго. Ругал начальство на глазах у подчиненных. Колесов удивился, в армии это не принято. Начальство и инженеры молча слушали.

Припомнил: через проходную директор идет, расталкивая народ и поругиваясь: «Ну, чего столпились». Однако старожилы отзывались о нем хорошо. Барин строг, но справедлив.

Заглянул молодой человек, скромный и улыбочивый, послушал объяснения свиты.

– Кто это?

– Сын Хрущева, работает у Челомея. Говорят, что Хрущев и Челомей свояки, женаты на сестрах.

Слух насчет свояков оказался ложным, но работающий сын тоже неплохой канал для контактов.

Следующая работа – испытания ракет в Крыму, в Феодосии. На старой подводной лодке установили один контейнер для ракеты. Задача первого этапа: проверить старт и полет ракеты под управлением автопилота, без радиоголовки.

Формально Колесов оказался руководителем институтской группы в два десятка человек. Фактически руководил начальник автопилотного отдела Гусев. Они и по чину несравнимы, старший инженер Колесов обращался к Гусеву как к начальнику, а тот тоже делал вид, что старший здесь комплексник.

Все ведущие работники в отделе Гусева евреи.

– Почему у тебя так много евреев? – спрашивали его институтские приятели.

– Так они хорошо работают.

Эти ведущие работники держались отстраненно от других. «Что это – спесь супер-спецов? – размышлял Колесов, – или настороженность чужих? Однако в нашем отделе Яков Эфраимович, супер-математик, легко общается со всеми, да и другие евреи тоже».

При комплексной проверке ракеты на стенде и более всего на подводной лодке к Колесову переходило полное руководство работами.

Первое посещение лодки было весьма тягостным: возникло желание немедленно уйти отсюда и больше не появляться. Замкнутое пространство, маленькие люки между отсеками, низкий потолок. Со временем привык, за активной работой забывался страх.

«После армии перешел на вполне мирную работу – стрелял ракетами с подводной лодки», – ерничал он впоследствии.

В 29 лет еще можно оставаться романтиком: на подводной лодке боевая обстановка – он вел всю работу от включения системы до подачи команды «старт» самому себе, сам нажимал эту кнопку. Впрочем, добраться до этой кнопки непросто – наткнулись на отказ, на обстановку системы, дальше те же игры, что и на стенде, только посложнее – прибавились смежники по стартовым двигателям, по пусковым и корабельным устройствам.

Произвели несколько запусков ракет, каждый после многократных неудач. Наибольшее возбуждение возникает при несостоявшемся старте – прошли все этапы, нажат «старт», а в ответ – молчание, стартовые двигатели не включились, ракета сидит в контейнере.

При очередном срыве старта лодка поднялась на поверхность, и он решил проверить цепи внутри ракеты. Через полуметровую кольцевую щель между ракетой и контейнером он спустился сверху на семь метров к основанию ракеты и прозвонил прибором электрические цепи при отсоединенном борт-разъеме. Выявить неисправность не удалось, так что его старания не потерять несколько дней на выгрузку ракеты, проверку на базе и повторную загрузку оказались напрасными. Впоследствии бахвалился: «От прозвонок цепей могли включиться стартовые двигатели, и я бы вылетел верхом на ракете, как Мюнхгаузен на ядре. Маловероятно, но чем черт не шутит, так ведь и случаются ЧП. Можно сказать, подвиг совершил, азарт попутал».

Когда же добились старта ракет, возникли новые неприятности: ракеты падали сразу же после выхода из-под воды. Начались длительные поиски виновных среди всех участников проекта. Позднее математик «Гранита» поведал историю о том, как Челомей проектировал ракету:

– Специалисты по аэродинамике и математическим моделям провели колоссальную работу по созданию конструкции ракеты. Принесли генеральному конструктору плоды своих теоретических и экспериментальных исследований – чертежи новой ракеты. Челомей посмотрел: «Ну, это же некрасиво» и росчерком пера уменьшил размах крыльев. Устойчивость ракеты стала критической, и она стала падать на взлете.

Эпизод красочный, но может быть анекдотический, в русле взаимных нападок смежников. Размах крыльев ограничен размерами контейнеров, а их стремились установить побольше – шестнадцать штук на атомной подводной лодке.

Несколько месяцев стартовики искали способы подстройки двигателей и, в конце концов, ракета полетела.

Он понял, что его старания замечены, когда Лопатин, спец по корабельной аппаратуре, нахрапистый трудяга, сказал ему:

– Ну ты и молоток! Сначала-то я не понял...

А он понял, что его приняли в партию инженеров.

Первый удачный старт по его предложению отметили небольшой пьянкой. Выпили и искупались в море на запомнившейся дате – 12 декабря.

Однажды азарт подвел его. На одном из выходов в море пришлось неоднократно погружаться – старт не проходил, поднимались на поверхность, устраняли неисправность и вновь опускались под воду. Лодкой управляет военная команда. На очередном погружении работа затянулась, казалось, еще немного и всё получится. Но командир лодки приказал прервать работу, подниматься и идти на базу. Колесов заметался по отсекам, до командира не добраться, два праздно сидящих офицера посмеивались над ним. Озлился:

– Какой-то дурак приказал, а вам смешно.

На лодку его больше не пускали.

Ну что ж, с тоской подумал он, от себя не уйдешь, еще один истерический срыв добавился к перечню уже свершившихся. Можно было пойти к командиру повиниться, объясниться.

Не собрался. Внешне сошло благополучно – как раз в это время в Феодосию приехал Афанасьев, ему на смену.

Нет худа без добра – уйдя с лодки, он смог теперь видеть старт ракеты. Прекрасное зрелище. Отдыхающие на южном берегу Крыма могли наблюдать за ракетой, пролетающей в полукилометре вдоль берега от Планерского до Коктебеля. Потом поставили цель – судно с металлической сеткой.

После работы они жили в Феодосии дружно и весело, как обычные отдыхающие на юге. По выходным на своем автобусе ездили по берегу Крыма, чаще всего в Новый свет – бывшую царскую дачу. На обратном пути обязательные шашлыки с «сухарем» (сухим вином) в Коктебеле и песни в автобусе.

С Инной Соловьевой он подружился еще на совещаниях в институте. Как обычно, в технические разговоры частенько вклиниваются иронические замечания, подшучивание, подкалывания, отвлечения на посторонние темы. У Соловьевой острый, язвительный язык, он подхватил игру в пикировку, к обоюдному удовольствию. Нападки личного характера исключались, соревновались на быстрый поиск ответа остроумного, но безобидного. Это было интересно и удивительно: он не встречал раньше такого в женщине, красивой и умной.

В Феодосию он стоял у вокзала, когда вдруг кто-то сзади закрыл глаза, обернулся – Соловьева смеется. В командировочной компании она была заводилой веселого отдыха – на выездах по знаменитым курортным местам с купаньем, песнями и шашлыками, на ежевечерних посиделках в открытом ресторане с видом на море, музыкой, танцами, «сухарем». И он тоже веселился вместе со всеми – на выездах, а вот в ресторанах не задержался. Во-первых, показалось скучновато, а во-вторых, (и это самое главное) – дороговато. Хоть и понемногу, но каждый день. А он не поступался принципом «всё для семьи». Дома жена с малым дитем, здесь нужно укладываться в командировочную норму. «Скучный я человек». Удовлетворялся прогулками по набережной.

Около Соловьевой постоянно находился ее оруженосец, приятель еще по прежним командировкам, инженер из смежной фирмы, который весело расспрашивал окружающих:

– Слушай, а как у тебя с деньгами, я все время в прогаре, где денег достать?

Обаяние Соловьевой испытал и молодой капитан Казанцев. Очевидно, сын писателя-фантаста был романтиком, после очередного веселья в компании с Соловьевой он выдохнул:

– Настроение такое – хочется слушать рондо-каприччиозо.

Колесов тоже любит это рондо – сладкое томление, переходящее в оргастическое торжество.

Он отдалялся от Соловьевой, их общение практически прекратилось после инцидента со спиртом. Его помощник по хозяйственным вопросам спросил:

– Ко мне обратилась Соловьева, просит дать спирт на ее день рождения.

– Тогда всем давать придется, спиртзавод откроем.

Она обратилась к Гусеву, тот попросил помощника дать. Обошлись без Колесова, в том числе и на дне рождения.

Не романтики, равнодушные к Сен-Сансу, рассуждали просто. Его приятель так говорил о Соловьевой:

– Она очень спокойно относится к сексу – как к естественному удовольствию, без всяких обязательств. Юра ее трахал, он сам мне говорил.

И добавил немножко квасной идеологии:

– Если ты положил глаз на красивую еврейку и трахаешь ее, ты должен думать, что трахаешь врага народа.

Понятное дело, в мужских разговорах не употребляются слова секс и трахал.

«А что? – думал он, – может, она просто помогает мужчинам? Как Толя Лаухин женщинам. Равноправие, эмансипация. Вот только если посмотреть шире – человек живет ради наслаждения, причем не только в сексе, а во всем – ради праздника. Это хорошо или плохо? Да и что я знаю о ней? Трёп мужиков?»

Соловьева как-то сказала о своем муже:

– Ах, каким он был раньше!

Впоследствии она вышла замуж за другого и родила двойню.

Люди любили весело проводить время, что и подтвердилось двумя утопленниками. Один – упомянутый оруженосец Инны. Второй – ведущий разработчик радиоголовки. Судя по слухам, подтверждалось известное: «Веселие на Руси питие есть».

Камаевский, заместитель главного конструктора, приехал на следующий этап испытаний. Лет сорока, большой, с лицом монгольского владыки, он – одержимый человек. Над его страстью к системе управления ракетой «Аметист» любовно посмеивались. «Аметист» был его излюбленной и практически единственной темой для разговоров.

Раньше он занимался аппаратурой контроля и другими более простыми вещами, естественно, большой и значимый проект «Аметист» вдохновлял его, он дорожил своим положением в нем. Не будучи специалистом в главных элементах системы – автопилоте и радиоголовке, он не занимался техническим согласованием комплекса. Этим занимались ведущие специалисты, в том числе в последнее время и Колесов.

Работалось с ним хорошо, он не мешал. Зато он взял на себя деловые контакты со всеми смежниками – так называемую политику. Каждый смежник, участник общего проекта, старается хорошо и быстро сделать свою часть работы, но при малейшей нестыковке кивает на соседа – у меня, мол, все в порядке, ищите у других. Далее междоусобица переносится на уровень руководителей предприятий и министерств.

Самый серьезный смежник – ракетчик Патрушев, представитель Челомея. Между ним и Камаевским сложились воистину деловые отношения. Результатом их длительных прогулок были договоренности: кто кого за что ругает, какие наветы доносит до руководства. Так, чтобы, с одной стороны, чувствовалась активная деятельность, признавались очевидные ошибки и объективные трудности, но, с другой стороны, ситуация не доводилась бы до крайней черты, до признания смежника полным банкротом.

У Камаевского внутри любимой темы «Аметист» главной идеей была комплексная стыковка системы. Он так горячо и страстно отстаивал эту идею, как будто боролся с какими-то неведомыми противниками. Колесову идея казалась вполне естественной: очевидно, что прежде чем выходить на реальные испытания в море, систему нужно отрабатывать здесь, на земле: в институте, на опытном приборном заводе, на ракетном заводе.

Со временем он стал задумываться. Делали всё по идее, а на каждом этапе появлялись новые загадки: сбои и ошибки. Понял: хорошая идея нереализуема на практике. На каждом этапе вместо реальных устройств использовались их имитаторы, призраки реальных приборов. Хорошая идея повисала в воздухе.

Камаевский, искренний энтузиаст, о деталях не задумывался. Колесов с удивлением обнаружил в нем, в заместителе главного конструктора, весьма поверхностное представление о системе.

Вызывало уважение его чувство здравого смысла. Когда в институте обсуждали организационную структуру – предлагалось объединить специалистов по двум большим темам «Антей» и «Аметист» – Колесов, начитавшись ученых книг, спросил Камаевского:

– Кто прав – сторонники предметной или функциональной структуры?

– Прав тот, кто сильнее, – отрезал он.

Колесов слегка обиделся: обратился к нему с научным вопросом, а он...

Однако ответ запомнился. Действительно, наука наукой, а любая суматоха, запутанная проблема, используется в борьбе за власть в личных целях. Ответ Камаевского немного остудил его. Вечная проблема – неопределенность (энтропия).

Камаевский беспартийный. Как-то Колесов обратился к нему:

– Анатолий Матвеевич, это правда, что в парткоме готовят разгромное постановление по «Аметисту»?

– А где был партком, – вдруг резко возбудился он, – когда нам отказали изготавливать экспериментальные образцы на опытном заводе? И мы их делали на коленях.

Здесь, в Феодосии Колесов настойчиво просил отпустить его, но Камаевский не соглашался. «Держит только для подстраховки, – раздражался Колесов, – тут кругом курортные бабы похоть разжигают, а жена дома». И опять сорвался. Расписался в журнале убытия неразборчивой подписью вместо Камаевского и уехал. Камаевский слегка пошумел, но и только. А ему стыдно стало: 29 лет, недавний офицер, а капризничает. Оправдывался по обывательски: что мне, старшему инженеру, больше всех надо?

Михеев, начальник комплексной лаборатории – брызжащий энергией и бодростью, всегда в радостном возбуждении, администратор, не вникающий в разработки, пришел в начальство как «умелый организатор и активный общественник» (стандарт служебной характеристики), неременный член партийного комитета института.

Он направил Колесова на опытный завод. Как признанного руководителя комплексной отладки, завоевавшего авторитет работой на подлодке.

Колесов с интересом учился жизни. Ему рассказали, что завод простаивал несколько месяцев, ожидая получения документации по «Аметисту». Институт не уложился в сроки. На простаивающем заводе несколько тысяч человек сидели без дела, исправно получали зарплату. Директор завода, маленький, злобный, кричал, топал ногами, метал громы и молнии главному конструктору системы:

– Дайте мне документацию! Завод стоит! Я могу взять другой заказ, но я хочу делать «Аметист»!

Главный конструктор нашел выход: приказал разработчикам сделать и передать заводу липовые схемы – похожие на проектируемые устройства, но совершенно бессмысленные. Замысел такой – пока готовят производство, успеем заменить.

Жуткое зрелище – простаивающий завод, навеивает наивные мысли – может, их хоть чем-то занять, какой-нибудь гражданской продукцией...

Теперь завод выпускал ежемесячно комплекты системы для поставки на ракетный завод. Каждый месяц первые 25 дней шла отладка автопилота и радиоголовки. В это время он сидел в институте и ничего не делал. Затем наступал аврал – за пять дней и ночей провести комплексную стыковку. В это время он получил хорошее подкрепление – в лабораторию пришел Боря Степанов, немного моложе его, толковый парень, перенимал опыт так же, как он раньше у Афанасьева.

На заводе рядом с инженерами-разработчиками сидели заводские наладчики (рабочие) и читали художественную литературу. Оказывается, инженеры не должны заниматься отладкой устройств, а должны только написать инструкции. И тогда по этим инструкциям будут работать наладчики высоких разрядов, то есть очень грамотные и получающие зарплату в три раза (!) больше инженеров. Создать такие инструкции умозрительно невозможно, это ясно любому инженеру-электронщику. Поэтому инженеры сами занимались отладкой на заводе, попутно составляя и подправляя инструкции. А рабочий класс получал свою тройную зарплату за выход на работу.

Колесов сделал очередную зарубку на советской экономике – еще один отдельный недостаток, родимое пятно, которое несложно было бы и исправить.

Директор завода так и поступил: перевел в рабочие нескольких инженеров. Герой Социалистического труда принял волевое решение – по закону этого делать нельзя: инженеров зачислять в рабочие.

Довелось видеть, насколько директор бывает крут: одного начальника цеха изобличили в краже бочки краски, директор приказал отобрать у него пропуск и вынести приказ об увольнении на проходную.

Когда уже пошла комплексная отладка, злобный директор являлся в стендовый зал с видом доброго заботливого хозяина:

– Ребята, ну как бы поднатужиться, сдать до конца месяца.

На Староневском проспекте висел его портрет в галерее ленинградских Героев труда.

Михеев говорил так:

– Говорят, что с беспокойными людьми трудно работать, а я считаю – надо работать. Вот Колесов – беспокойный человек, все время что-то придумывает, ищет, предлагает новое...

Он провел повышение Колесова со старшего инженера на должность заместителя начальника лаборатории, то есть минуя ступень ведущего инженера. Зарплата выросла до восьмидесяти пяти процентов армейского уровня. Пересадил его из общей комнаты в свой кабинет.

Камаевский был в командировке, узнав о назначении, высказался против, Колесов обиделся. Но при встрече Камаевский пояснил почему – он против отхода его от техники в административную работу. Он успокоился.

Через пару месяцев работы на заводе он совершил святотатство – отменил комплексную стыковку в варианте Камаевского. Отключил корабельную аппаратуру и приборы смежников – десяток шкафов в рост человека. Вся эта махина работала сама на себя, время тратилось на устранение неисправностей в ней и тратилось бессмысленно, так как эти экземпляры аппаратуры никуда не поставлялись. Собственно комплексная стыковка ракетной аппаратуры осталась в полном объеме. Именно эта аппаратура шла отсюда на московский завод для установки на ракету.

Он подготовил приказ на изменение, мельком сказал что-то Михееву насчет упорядочения контроля, по предыдущим случаям знал об отсутствии у него интереса к техническим подробностям. Тот подписал приказ.

Вернувшийся из командировки Камаевский побушевал немного, Михеев озабоченно засуетился, но на заводе уже работали по новой схеме контроля, притом намного быстрее, без лишних помех. Вопрос был решен – положительно. А Колесов знал, что рискует – похвала могла быть только от собственной совести, а наказание могло быть суровым. По житейским правилам следовало провести обсуждение и согласование, но при известной одержимости Камаевского бесполезно оперировать разумными доводами.

Шел последний год правления Хрущева. В это время возникли большие претензии к институту: и по «Аметисту», и особенно по системе управления крылатой ракетой «Антей», Эта работа была главной в институте – и по объему занятых и по значимости.

Ракета «Антей» заваливалась в полете. Когда обе разработки прошли половину пути, началось «укрепление руководства». В силе были обкомы партии и региональные совнархозы. Директор института Чарин – лауреат многих премий, Герой труда, доктор наук (без защиты, по совокупности заслуг), авторитетный в судостроении человек. Однако министр судостроения Бутома был оттеснен от власти и даже пересажен из высотки на Котельнической набережной в скромное здание. Чарина сняли, директором назначили секретаря парткома, человека тихого и незаметного. Новый директор в свою очередь поменял нижестоящих.

Главным инженером института стал вузовский профессор (без докторской степени) с подчеркнуто изысканной манерой общения, получивший прозвище «герр профессор». Он пытался внести коренные улучшения в разработанные и изготовленные системы, то есть проявил волонтаризм. Патриоты института потихоньку спланировались против инородного при-

шельца, Михеев возглавил эту борьбу как член парткома. Борьба шла с переменным успехом, уже на место Михеева был назначен другой человек, и в то же время не было приказа о снятии Михеева, он оставался на своем месте.

Через три-четыре месяца после «укрепления кадров» работа наладилась. Высшее руководство могло быть удовлетворено, но специалистам понятно – результаты не могли получиться так быстро, сказались последние усилия снятых. Подтверждалось известное правило: «Любые дела проходят пять стадий: шумиха, неразбериха, поиск виновных, наказание невиновных и награждение непричастных».

Через несколько месяцев сняли Хрущева. Министерства вернулись к власти, так что министр Бутома мог позволить себе свободомысленное высказывание:

– Я отдал институт с директором, а мне его вернули с секретарем парткома.

Назначил нового директора – Павлова. Он опытный специалист, главный конструктор проектов, свой человек в институтской среде. Ветеран войны, полноги на протезе. Характер жесткий и решительный. Одно время был секретарем парткома, поэтому обком партии не возражал.

Герр профессор был обвинен в волюнтаризме и вернулся в свой вуз. Михеев остался на своем месте

Зайцев, начальник отдела, был назначен главным конструктором системы «Аметист». Так решил Павлов. Назначение казалось странным – год до пенсии, сидел себе без дела, дело шло без него: заместитель, начальники лабораторий работали самостоятельно. В институте его уважали – много и успешно поработал раньше. Позднее, на его 60-летие хотели сделать приятное – на стенде поместили его фотографии разных лет, смолоду до сих пор. Волевое, почти каменное лицо постепенно преображалось в благостный, апостольский лик. «Страшная картина», – произнес кто-то из стоящих у стенда.

У Зайцева было чему поучиться и, главное, требованию простоты.

– Не усложняйте, делайте проще, – наставлял он. Не принимал сложных и путаных объяснений и не отставал до получения ясного ответа по нестыковкам и сбоям. После падений ракеты на старте он вызывал всех разработчиков, даже не имеющих прямого отношения к теме, и настойчиво допрашивал их, не стесняясь задавать «глупые» вопросы.

Колесов с удовлетворением воспринял такой подход. Упрощение комплексной отладки на заводе было в том же русле. «Работа – это просто, сложна наука, теория, а работа – всегда просто», – говорил коллега по работе. Другой, человек с большим жизненным опытом, обобщал: «Совершенство есть не то, к чему нельзя ничего добавить, а то, от чего ничего нельзя отнять».

С Зайцевым ему довелось поработать в Москве, в Химках, на самолетостроительном заводе имени Лавочкина. Завод прославился своими самолетами во время войны. Теперь здесь делали ракеты, устанавливали на них автопилот и радиоголовку, проверяли и отправляли в Феодосию на испытания.

Колесов возглавил институтскую бригаду из 10—15 человек. Работа всё та же – игра до победного конца. Но на чужом поле прибавилось кутерьмы. Пришлось осваивать «политику».

Большой человек – Эйдис, заместитель генерального конструктора Челомея, к которому он ходил подписывать документы, спросил:

– Ну как там ваша система?

– Отлаживается, – ответил осторожно.

– Ну да, как то г. . . – высохло, но еще пахнет?

Участники совместной работы соревновались, кто кого больше обольет грязью. Обычно участники разборок пользуются криком как рабочим инструментом, отставляемым в сторону в нерабочей обстановке. Проводивший совещания главный инженер завода сам не кричал, зато

издевался над ленинградцами и лично над Колесовым с явно садистским удовольствием. Накалял обстановку звонками, письмами, телеграммами – в институт, в министерство.

Колесов тогда еще был старшим инженером, поэтому в Москву направили Зайцева: снимать напряжение. На совещаниях он напористо отметал обвинения, выдвигал встречные, а среди горячих споров мог, наклонившись к Колесову, вдруг спросить:

– Слушай, а где ты такие ботинки купил?

Сборку ракет делали в основном по ночам, днем шла отладка. Как-то Колесов остался на ночную смену – понять задержки по сборке. Подозрение подтвердилось – ночью рабочие, оставшись без погонялы, просто не работали. Кое-что и нехотя они сделали по его просьбе. Наутро на совещании он бесстрастно рассказал об этом, главный инженер попенял своим, а его поставил в пример.

В совещаниях участвовал ведущий конструктор Бабакин, в споры не вступавший и односложно отвечавший на вопросы по своей части – конструкции ракеты «Аметист». Это был будущий генеральный конструктор лунной программы.

В одном цехе с ленинградцами отлаживали свою систему люди Королева.

Временами Зайцева подменял Михеев с той же задачей – демпфировать вопросы (это его слоган). Его неиссякаемая энергия однажды спасла Колесова от большой неприятности. Он поехал в отпуск в Полтаву прямо из Москвы, сел в вагон. Вдруг вбегает запыхавшийся Михеев вместе с их сотрудником и вручает ему его документы. Оказывается, Колесов забыл их на подоконнике в парадной на выходе из гостиничной квартиры, проверил и оставил. Михеев узнал про Полтаву, вычислил вокзал, на такси примчался из Химок и побежал по всем вагонам.

С юга в Москву пришла радостная весть: ракета попала в цель. Советский лозунг гласил: «Наш труд – дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Колесов предложил отпраздновать удачу в ресторане по соседству – в аэропорту Шереметьево. Оттуда ночью возвращались с песнями пешком по шоссе. Его пометила судьба: автомашина чиркнула по бедру, упал, больница в «Белых столбах», обошлось.

Через неделю, после совместного с заводчанами пикника на Истре у него случился приступ почечных колик – неутрачиваемая многочасовая боль. Неделя в больнице, анализы, катетер в пенис и впервые (в 32 года) – ощущение бренности тела. Внутри него – какие-то неисправности, камни или вроде бы песок. Отчего, почему – оказывается, наука не знает. А тело одно, бежишь с ним по жизни и вдруг – подножка. Два раза после этого он съездил дикарем в Трускавец пить воду. Неизвестно, помогло или само прошло.

Складывались хорошие отношения с Михеевым. Дома, в Ленинграде, на очередной праздник Колесов пригласил его, холостяк пришел со своей подругой. Был также Степанов. Компания друзей.

Глава 10. Семейное

Он старательно удовлетворял свои родительские чувства: менял пеленки (памперсов тогда не было), баюкал, выгуливал на улице, играл, с двухлетнего возраста разыгрывал на полу приключения и театральные сцены, учил читать, плавать и т. п. Всё это было в радость, общение с ребенком лет до семи – просто райское наслаждение. Яркое воспоминание, до слез умиления – балетный танец пятилетнего сына в центральном парке Полтавы. Под музыку паркового радио он самостийно изображал балетные па – руки в стороны, пробежка, поворот, вращение, прыжок, очевидно, воспринятое с телеэкрана. Люди улыбались, родители радовались.

От 3 до 6 лет была большая беда: его ночной лунатизм. Среди ночи он вдруг начинал громко плакать, не просыпаясь, вставал и ходил по квартире. Попытались успокаивать, минут десять он продолжал ходить и плакать, потом ложился и продолжал спать. Ужасно было видеть это, пугала неизвестность – что будет дальше. Ночной бред сына наука объясняла, но не успокаивала: «Детский лунатизм – такая же возрастная особенность, как негативизм и стремление к независимости. Детский мозг напоминает инерционную машину, продолжающую двигаться под воздействием дневного потока впечатлений, в то время как его сознание отключено. В среднем такие явления могут наблюдаться два раза в неделю... Ни в коем случае нельзя зажигать свет... Вечером ребенок не должен перевозбуждаться и засиживаться у телевизора... Если не проходит к 15 годам, обратиться к психоневрологу».

Прекрасны детские фразы в возрасте 4—6 лет. В поликлинике сын кричал врачу, взявшему его на укол после травмы:

– Я папе скажу!

На упреки в непослушности и озорстве говорил:

– Ну разве я виноват, что я такой веселенький.

Одна фраза возникла вследствие папиной нервности и глупости. На прогулке днем пятилетний сын расспрашивал, как это люди умирают, папа говорил о болезнях, потом сорвался на больном для него вопросе:

– Все люди умирают, и мы с мамой умрем в старости.

Вечером положили его в постель, ушли на кухню, вдруг плач. Зашел, сын на корточках, головой в подушку, сквозь слезы говорит:

– Почему вы будете умирать, а другие будут жить?

В детстве Колесов очень любил детские ясли и садик. Теперь жизнь внесла свои поправки. Поступил сигнал – заведующая детскими яслями и другие работники сумками выносят продукты, дети голодают. Душераздирающая картина. Пошел жаловаться районному начальству:

– Спасите детей, писать не могу, считайте жалобу анонимной, чтобы не отозвалось на ребенке.

– Да, у нас есть и другие претензии, – ответила инспекторша.

Подействовало или нет, но через некоторое время заведующую перевели в поликлинику участковой медсестрой.

Сын болел мало, маме приходилось работать без бюллетеней. Его хорошо воспитывали в детском саду – как-то он предложил поставить дома у стены маленький столик, над ним повесить флажки и портрет дедушки Ленина.

Иногда и маленькое происшествие может навеять большую философию. Пятилетний сын играл во дворе, его грубо толкнул ровесник – грязный, злобный, жестокий. Сын заплакал и отбежал. Папа не стал пенять злему отродью – бесполезно. Острая боль в душе: «Ведь это я отправил в этот мир милого, славного, ангельского человечка – не на растерзание ли вот таким выродкам...»

Начиная с семилетнего возраста папа и сын постепенно отдалялись друг от друга. Меньше общались – теперь он играл со сверстниками, сам читал, сам смотрел телевизор. В первом классе он оставался на продленном дне. Учился средне, а зачастую плохо. Казалось бы, отличное поприще для полезного общения, однако его попытки помочь сыну в учебе оказались неудачными. С изумлением обнаружил: сын плохо воспринимает несложные школьные истины. Как ни настраивал себя на терпеливое разъяснение – по несколько раз одно и то же, не выдерживал, раздражался и срывался.

Тяжкое воспоминание о рыбалке – надумал хорошее совместное занятие с восьмилетним сыном, на озере раздражался на каждом шагу, потом каялся всю жизнь. Общение сужалось – папа уже боялся самого себя.

Интеллигентский стандарт – сына пытались обучать музыке, купили пианино. Нашли учителя, музыканта военного оркестра, серьезного и занудливого. Несколько месяцев шла учеба, потом заглохла.

Как-то наткнулся на интересное суждение: надо не учить играть на музыкальных инструментах, а учить слушать музыку. Это правильно, но этого они не делали. Телевизор вытеснял все остальное. К тому же влияние товарищей и подруг оказалось сильнее родительского примера. В отличие от них дети остались в стороне от классики. Большая потеря – для них, сами себя лишили богатейшего источника наслаждений.

Специалисты говорят: не пытайтесь воспитывать ребенка, усаживая его перед собой и уговаривая делать хорошо и не делать плохо. Надо воспитывать примером собственной жизни. Он послушался, в итоге общения стало еще меньше. Вспомнил, как он сам тоже рано отдалился от матери. Оправдывался разницей интересов.

Сын учился в обычной городской школе, недалеко от дома. Менялась страна, менялась и школа. Росла рождаемость, за которой не поспевало строительство школ. Число учеников в классе довели до 50! Ужас, возмущался он, при нем нормой было 30.

Классная воспитательница Гайя Сергеевна – суровый человек, неподвижный жесткий взгляд, сухая речь. С ней трудно разговаривать, тем более о неуспевающем сыне. Папа и мама перестали с ней общаться. Не лучше и завуч школы: поставила сына и его товарища в учительском кабинете на 6 часов (!?) за беготню на перемене.

Папа Колесов кипел от негодования. В его школьной жизни не было таких телесных наказаний.

Не было и такого, как два будущих бандита и одна наркоманка в классе.

Сын – самый дорогой человек для ленинградской бабушки. Каждое лето она с ним в деревне. В отпуск ездили в Полтаву, к другой бабушке. Жара, речка, фрукты. Ездили на юг, в Гурзуф. Рядовая жизнь рядовой советской семьи.

Семейная жизнь шла своим чередом. Ссоры и примирения через три, четыре, шесть месяцев. Наверно, можно было бы и не ссориться – при одном условии: если и не жить вместе.

Ему было 30 лет, когда они поссорились вечером 8 марта. Он тут же ушел, уезжал в командировку в Москву. Вышел на улицу, подумал – перебор, все-таки женский праздник. Вернулся. Ба, в комнате сидит парень с верхнего этажа, верхний свет выключен, уютное бра. Малютка-сын был у бабушки. По инерции произнес заготовку с извинением, вышел на площадку, вернулся:

– Я прошу вас покинуть квартиру.

– Да нет, вы напрасно так думаете, ничего такого нет, – говорил парень.

Парень вышел, он уехал. В Москве он получил письмо от доброжелательницы (мир не без добрых соседей), в котором осуждалось недостойное поведение жены. В тот же день он выехал из Москвы дневным поездом.

«Чего это меня трясет? Я же не ревнив – если бы она напрямую сказала мне, я бы расстался не медля, без объяснений. Гордыня-с. Да и тяжела ты, семейная жизнь. Но так!...»

По приезду расположился на наблюдательном пункте, в парадной соседнего дома напротив окон квартиры. Сына опять не было. Жена одна. Вошел поздно вечером. Она поняла, позже сказала:

– Что ж делать, раз провинилась.

Еще позже мать сказала ему:

– Надо простить, мало ли что бывает, оступился человек.

Он промолчал, ответил только в мыслях: «Пошла ты на хрен. Твою моральную всеядность помню с детства, тебя беспокоит только внук».

Жена попросила:

– Я прошу тебя – никогда не вспоминай об этом случае.

– Да.

«Но из памяти не вытравишь. Почему стерпел? А потому, что верую в свое третье понятие – закон неопределенности, энтропии. Нет возможности измерить информацию. Остается прибегнуть к презумпции доказательности – невиновности. Не пойман, не вор. И – убедить в этом самого себя».

Перечитывая в третий-четвертый раз «Крейцерову сонату», обнаружил интереснейшую вещь: между ним и Позднышевым разница всего в два часа. Тот застал жену с мужчиной в полночь, притом они просто кушали в столовой, везде горел свет, по дому ходила прислуга. И он убил жену, а присяжные его оправдали. Какой ужас! Он застал в 10 часов вечера и ничего...

Глава 11. Отдельные недостатки соцстроя

Он продолжал восхищаться Хрущевым, который реабилитировал советскую идеологию. Ее отдельные недостатки возникли из-за ошибок товарища Сталина, теперь они устранены. Хрущев вынес тело Сталина из мавзолея. Интеллигенция низвела Сталина до уровня преступного тирана и требовала восстановления ленинских норм жизни. Статьи, мемуары, романы, пьесы обличали сталинизм. В гимне и песнях изымали имя Сталина, сочиняли песни о Ленине.

Колесову нравилась энергия Хрущева, его прямое общение с народом, речи без бумажки по телевидению, ботинок в ООН и т. п. Крутые решения: по совнархозам, по сельскохозяйственным партийным органам,

Выйдя из армии на свободу, Колесов решил вступить в партию. Для него не было вопроса, почему надо вступать. Был вопрос: почему не надо вступать. Партия – передовой отряд. Почему он должен быть сзади? «Партия это мильёнов плечи, друг к другу прижатые туго». И он тоже хочет быть вместе с друзьями-товарищами. Так он и написал в заявлении: «Хочу быть в передовых рядах строителей коммунизма». Так положено писать, но он написал искренне.

Всегда он хотел быть революционером: так воспитывало государство – на примерах великих революционеров от Степана Разина и Марата до Герцена и Ленина. Говорят, что революционная стихия – это романтика молодости. Вот только в тогдашней размеренной жизни никакой революционной романтики не было, да она и не требовалась. Главный вопрос всякой революции – вопрос о власти – решался буднично и просто: на безальтернативных выборах под партийным руководством.

Выполняя первое партийное поручение – агитатор на выборах, он обошел все квартиры (в то *страшное* время спокойно открывали двери агитатору блока коммунистов и беспартийных, других блоков не было), вручал агитлистки, спрашивал, придут ли. По сложившейся традиции избиратели предъявляли претензии (кран течет, батареи холодные) и угрожали неявкой. Он всё записывал, передавал председателю комиссии. Кое-что делалось, но что-то было и нерезультативным. Ко дню выборов осталось примерно пять процентов отказников. А на всех выборах явка всегда была 99,97%. Обеспокоенный, на следующий день после выборов он позвонил председателю. Тихий мужичок из их института спокойно ответил: 99,97.

– Так что, пришли отказники?

– Нет, они откреплены, им выписали открепительные талоны.

Он смутился и восхитился: как просто обеспечить порядок в системе, ни шагу назад от 99,97. Строгий отбор кандидатов, от каждой твари по паре – рабочих, колхозников, немного интеллигенции, женщин, молодых и так далее по процентным нормам. Уголовники, алкаши, психи отсеяны партийными органами. Процент «за» всегда был 99,97. Не было веских причин сомневаться в кандидатах: наверное, все они хорошие производственники, морально устойчивы, делу партии преданы.

В хрущевскую оттепель в институте даже случилось демократическое происшествие. Ребята из передовой лаборатории Хлыпало выдвинули своего товарища, вместо рекомендованной сверху женщины. На собрании отдела возникла кутерьма: выдвинутый товарищ не взял самоотвода – не имею, мол, права отказаться от доверия народа. Рекомендованной женщине задали грозный вопрос:

– Сколько депутатских запросов вы подавали?

Бедная женщина не знала, что это такое. В перерыве начальство обсуждало проблему.

– Надо голосовать за нашего товарища! – воскликнул Колесов как настоящий коммуно-демократ.

Вопрос решился просто: все остальные отделы института проголосовали за женщину, а их предложение до них не дошло. Начальник передовой лаборатории исправил свою ошибку: подбирая хороших инженеров, он не учел их склонности к свободомыслию. Через несколько лет состав лаборатории изменился.

На десятом году своего правления Хрущев повысил цены на мясо. Народу это не понравилось. На ТВ Хрущев теперь долго и бессвязно оправдывался, жалко выглядел.

Услышал по радио: Хрущев подал заявление об отставке.

– Какой человек! Какая сила духа! Понял, что пришло время уступить дорогу молодым, энергичным, – так он думал по дороге на работу.

В киоске мужики покупали газеты, донеслась фраза:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.